

Стенограмма

№1. Мировой экономической кризис: уроки для гражданского общества

Руслан Гринберг: Я хотел бы пригласить Аскар Акаев, Солтан Дзарасов, Гжегож Колодко, Игорь Юргенс. Гжегож Колодко, прошу садиться. Валентина Федотова. Хулио Хуато, профессор из США, самый главный социал-демократ Дзарасов. Еще Цаголов Георгий.

Повестка дня у нас очень простая. Она звучит просто: «Экономическая свобода и социальная справедливость; уроки экономического кризиса», и вообще сочетаются ли эти две вещи. В конце концов, весь мир только и думает о том, что как-то их совместить.

В моем представлении, это главная задача нашего Форума.

Произошел большой перекоп в сторону экономической свободы. Очень большой перекоп.

Я просто хотел бы несколько слов сказать.

В 1917-м году наша страна замечательная сделала выбор в пользу справедливости. Тогда был очень большой спрос на справедливость. Она сделала выбор в пользу справедливости и пожертвовала свободой.

А в 1991-м году ровно наоборот произошло. Мы выбрали свободу и утратили всякие представления о справедливости, подумав о том, что не только свобода рождает благосостояние для всех, что тоже ошибочным оказалось. Но что и сам рынок наладит социальную справедливость, потому что никто не понимает, что такое «справедливость», а вроде бы каждому свое. А каждому свое – это, может, одному много, а другому – ничего.

На самом деле, цивилизованный мир добился каких-то успехов. 1950 – 1960 – 1970-е годы, вторая половина XX века – это Золотой век человечества. Сбылась мечта Карла Маркса, почти сбылась – о бесклассовом обществе. Когда бомж и канцлер получают одинаковое образование, медицинскую помощь. То, что происходит в Скандинавии и германоязычном пространстве.

Сегодня происходит, но все это под сомнением сегодня. Мы имеем ситуацию, когда приходится выбирать между «холерой» и «чумой».

Что я хочу сказать. Запад создал глобализацию. Глобализация привела к тому, что появились развивающиеся страны, которые производят товары и услуги не худшего качества, чем сами развитые страны – инициаторы

глобализации. Только стоит это все дешевле, пока. Намного дешевле. У Запада есть альтернатива: либо вводить протекционистские барьеры, либо понижать социальные стандарты. И то, и то плохо. Любой шаг – плохой.

Мне хотелось, чтобы мы поговорили на эту тему с точки зрения экономической политики, конкретно. Многие нам говорят: «Вот, вы за справедливость. Понятно, вы все опять хотите отобрать и поделить». Мы не уйдем от этого «лейбла». Наш Форум – тоже. Хотя это дурацкая история. Мы не такие глупые и не такие оголтелые. Но все-таки что-то в этом есть. Мы ведь хотим перераспределительных процессов. Мы же все против плоской шкалы налогообложения.

Но наш правящий дом очень гордится, что у нас плоская шкала налогообложения. Может быть, найдутся люди, которые могут выступить в защиту этой плоской шкалы налогообложения.

Думаю, мы об этом всем поговорим сегодня. Итак, это первая часть нашей секции, нашей конференции. Я предоставлю слово Аскар Акаеву. Время у нас – три часа. Ясно, что мы можем перерывы делать. Сколько нас человек? Здесь у нас восемь. Еще, я знаю, Осипов есть, Кувалдин. Джеффри Соммерс есть? Нет. Хорошо. Жан-Луи Бьянко. *(Английская речь, 06:00 – 06:08)*. Славин еще. Вот и все, пока так. Потом мы все будем разговаривать обо всем. У нас здесь будет очень демократический порядок.

Сергей Михайлович Рогов, директор Института США и Канады. Он расскажет нам об опыте самой социалистической страны мира под названием Соединенные Штаты Америки. Поскольку там существует очень большой разрыв между словом и делом, как это и полагается.

Итак, начнем с Аскара Акаевича. Аскар Акаевич Акаев.

Аскар Акаевич Акаев, академик РАН:

– Уважаемые коллеги!

Я хочу коснуться одного из факторов, который явился причиной нынешнего мирового финансового экономического кризиса и точно также является одним из важнейших факторов посткризисного экономического роста.

Этот вопрос связан с именем выдающегося экономиста XX века, нобелевского лауреата, нашего соотечественника, Саймона Кузнецца. Он первый использовал понятие «социальных инноваций». Он же говорил о

важности технологических инноваций о том, что ускорение технического прогресса – это основной источник долгосрочного экономического роста.

Как Кузнец сформулировал условия современного экономического роста. Он говорил, что всегда рост, наряду с прогрессивными последствиями, обязательно порождает социально-экономические конфликты. Он также утверждал, что их надо вовремя разрешать. Если они вовремя не будут разрешаться, то тогда порождаются социальные революции, которые тормозят всякое развитие.

Вы знаете, что Кузнец первым открыл так называемую «кривую Кузнецца». Он первый «заложил кирпичики» в изучении исследований неравенства в распределении доходов и влияния неравенства на экономический рост.

(Демонстрация слайда).

Справа здесь вы видите классическую «кривую Кузнецца», когда с ростом благосостояния сначала неравенство в распределении доходов растет, а затем уменьшается. Но это было в пору процветания социальных государств после войны в 1960 – 1970-е годы. А в 1990-е годы выяснилось, что «кривая Кузнецца» сложнее. Вот, она S-образная, когда подушевой доходит до 12-ти тысяч долларов, там появляется новый участок, где снова это неравенство имеет тенденцию к росту.

(Демонстрация слайда).

По всему миру между богатым Севером и Югом, в масштабах национальных государств неравенство доходов начало стремительно расти. Этот момент (вы видите) связан с распадом социалистической системы, особенно после распада Советского Союза. Поскольку, покуда был Советский Союз, социалистическая система, все соревновались, как лучше построить социальное государство, утвердить социальную справедливость.

(Демонстрация слайда).

Вот, вы видите, что это как раз совпадает с 1983-м годом.

Но это еще начало рейганомики, когда Рейган снизил прогрессивное налогообложение.

(Демонстрация слайда).

Динамика неравенства доходов в различных странах мира сегодня выглядит так. Вы знаете, что критический уровень индекса Джини – это 0,4 или 40

процентных пунктов. Выше – неравенство начинает тормозить экономическое развитие и вызывать социальную напряженность, социальный протест, конфликты.

На этом слайде вы видите, что в этой критической зоне находятся Соединенные Штаты Америки, Китай и Россия, три великие державы. Но вы видите, что внизу 0,25 – это скандинавские социальные государства. Показана Финляндия. Но там же и Швеция, Норвегия, все другие благополучные социальные государства Европы.

Да, Бразилия где-то 0,6, но у них традиционно. Но, заметьте, уже в течение тридцати лет тенденция к снижению. Эта тенденция к снижению помогает Бразилии успешно развиваться.

Посмотрите теперь на Соединенные Штаты Америки, оплот демократии и социальной справедливости – как у них от Великой депрессии к Великой рецессии. 1930-е годы, ровно в 1929-м году всплеск неравенства, когда концентрация доходов была в руках сотен богатых семей (Рокфеллеров, Фордов и других).

Посмотрите, 2008-й год, когда концентрация доходов уже на Уолл-Стрит. Поэтому неслучайно появилось движение «Оккупируй Уолл-Стрит». Посмотрите 1970-е годы, когда был мировой структурный экономический кризис. Тогда соотношение самых богатых к самым бедным, среднему уровню было всего 50, максимум 100.

Вот это было еще приемлемо. Вы знаете, что кризис 1970-х весь мир легко пережил. А вот когда 320 (как в 1929-м году) и 350 (как в 2008-м году) – тогда это многократно усиливается. Циклический «кондратьевский» кризис. Мы получаем то, что называется «великая депрессия» или «великая рецессия».

Поэтому эту ситуацию, конечно, надо менять. После войны ее, вы знаете, начал Рузвельт за счет введения мощного прогрессивного налога и за счет ограничения таим образом высоких доходов. К сожалению, покойный наш профессор Шевяков, дал формулу, по которой можно посчитать, как влияет это неравенство на экономический рост.

(Демонстрация слайда).

Вы видите, для Соединенных Штатов Америки до 1950-х года. Посмотрите, если на 30% уровень неравенства сократить, то они достигнут к 2050-му 38 триллионов долларов. А если на 30% увеличить, то они достигнут всего 22.

Разница – колоссальная. 16 триллионов долларов – это ВВП сегодняшней Америки. Разброс – 8 плюс, 8 минус. Стоит бороться.

(Демонстрация слайда).

Посмотрите, что будет, если Америка сегодня не поменяет социальную политику американское правительство. Вы видите великую рецессию 2008 – 2010-го годов. Видите, она небольшая.

(Демонстрация слайда).

А вот следующий кризис, циклический «кондратьевский», будет в 2038 – 2040-х годах, и тогда будет великая депрессия и великая рецессия вместе взятые. Наверное, тогда случится то, о чем говорит нобелевский лауреат Стиглиц, что вторая Великая социалистическая революция произойдет в Соединенных Штатах Америки.

Чтобы этого не произошло, сегодня одно из главных условий перехода к новой модели экономического развития – это перераспределение. Это ограничение высоких, неоправданно высоких доходов за счет прогрессивного налогообложения, как это было послевоенное процветающее двадцатилетие, и перераспределение. Институты, механизмы перераспределения в скандинавских странах отработаны очень хорошо. Тогда будет и социальная солидарность, и устойчивый долгосрочный экономический рост.

(Демонстрация слайда).

Хороший пример нам подала католическая церковь. Посмотрите, сам Всевышний подсказал им избрать социального папу – папу Франциска, который всю жизнь боролся за социальную справедливость. Это голос свыше. Они подсказывают, что теперь нужны вот такие же социальные политические лидеры. Если этого не будет, то не будет посткризисного долгосрочного устойчивого роста и процветания ни в мире, ни в развитых, ни в развивающихся странах.

Поэтому я – за социальную справедливость. За утверждение норм социальных государств в XXI веке. Спасибо за внимание.

(Аплодисменты).

Руслан Гринберг: Сейчас я хотел бы представить моего коллегу, который будет модерировать вторую часть нашей дискуссии. Это замечательный восточноевропейский экономист. Он приехал из Украины. Академик Геец,

вице-президент Национальной академии наук. Самый главный ученый среди... Ответственный за развитие гуманитарных наук на Украине. Он, естественно, сам любит эту тему – социальная справедливость, экономическая эффективность. Насколько они могут гармонизировать, или нет, или все-таки экономическая эффективность может быть сама по себе, а справедливость – сама по себе.

Аскар Акаевич сказал о том, что, ссылаясь на произведения Кузнецца (тоже наш украинец, по-моему, с Украины, «предатель Родины»)... Он действительно установил зависимость, что без неравенства не может быть экономического роста. Когда все равны, никто не хочет... Это теория «общего котла». Поэтому неравенство нужно. Мы имели излишнее равенство при Советском Союзе. Сейчас мы имеем излишнее неравенство, как мы все понимаем.

Но понятно, что мы должны понимать, что нужны какие-то исследования и более или менее количественные оценки, что мы хотим, куда мы хотим прийти. Мы должны написать хорошую бумагу после этого Конгресса, которая бы говорила о том, что мы не такие «левеллеры» (как раньше назывались, «уравнители»).

Но, с другой стороны, мы за социальную справедливость. Мы знаем, что социальная несправедливость – это не то что плохо, просто этически это мешает экономическому росту. Хотя бы потому, что у среднего класса нет денег. Если он узкий класс, у него нет денег для того, чтобы покупать товары и услуги. Это более или менее понятно.

Итак, **Валерий Михайлович Геец**, он еще тоже скажет слова.

Сейчас я хочу предоставить слово моему хорошему другу. Я не знаю, социал-демократ он сейчас или нет. Он был точно социал-демократом. Может быть, сейчас в каком-то смысле тоже. Замечательный российский экономист, директор Института современного развития. Между прочим, я там тоже член Совета директоров. Несмотря на то, что это совсем не «левый» институт. Но, поскольку мы плюралисты, мы пригласили Игоря Юрьевича, чтобы он нам рассказал, в чем мы не правы, или в чем мы, может быть, иногда правы. Пожалуйста.

Игорь Юрьевич Юргенс, *президент Института современного развития (ИНСОР)*:

– Руслан Семенович. Вы знаете, что я заканчивал экономический факультет после вас. Для нас, факультетчиков, старший товарищ всегда прав. Мы не можем подвергать ваши слова никакому сомнению.

Руслан Гринберг: Это уже восточное здесь чуть-чуть.

Игорь Юргенс: А я выступаю после одного из лучших восточных людей.

Руслан Гринберг: Это правда.

Игорь Юргенс: В начале своего выступления я бы хотел сказать, что, разделяя многие из положений выступления Аскара Акаевича, я, тем не менее, заступился бы за Соединенные Штаты. Соединенные Штаты вышли из кризиса как наиболее устойчивая экономика. Минус 8% было у российского ВВП, сейчас плюс 2% – у американской экономики. Почти стабилизировалась безработица. С теми конкурентными преимуществами, которые они имеют в области новых технологий, лучших университетов, растущей рабочей силы.

Хочу подчеркнуть, что за последние 10 лет американское население выросло на 30 миллионов человек. Плюс к этому сейчас энергетические возможности Соединенных Штатов заставляют ревновать Европейский Союз и остальные страны. Как вы знаете, цена на газ упала на 40%. К 2020-му году Соединенные Штаты будут энергонезависимы. К 2030-му году они будут экспортировать нефть и газ в результате открытий, связанных со сланцевой революцией и другими вещами.

Поэтому давайте сейчас не будем жалеть Соединенные Штаты с их коэффициентом Джини. Каждая страна развивается по-своему. Они – как страна индивидуалистическая, основанная 200 лет назад иммигрантами, которые боролись за свою жизнь и свои права личности, а не коллектива. Они разработали такую модель. Шведы – другую. Нам предстоит свою.

Поэтому не надо, пожалуйста (с моей точки зрения), подводить нас под какую-то другую или модель и приравнять, предположим, доморощенных либералов, тут же к американской модели. А следующая у наших депутатов, любимая теперь игра, а раз они пропагандируют что-то американское, то они – враги народа. Вот это политическая модель, которая на данном Конгрессе, по-моему, должна быть исключена. Это первое мое положение.

Второе мое положение заключается в том, что я отвечаю на вопрос, поставленный в заголовок нашей Конференции. Как экономическая справедливость и эффективность развивались после кризиса.

Хочу напомнить собравшимся, что сразу после кризиса состоялась Питтсбургская встреча двадцати крупнейших экономик мира. Они создали новый формат, который называется G20. Выход из этого кризиса они искали ровно на тех путях, на которых мы их сегодня с вами ищем.

Помимо того, что лидеры государства объединяли экономики с совершенно разными политическими, экономическими моделями (от Китая до Соединенных Штатов через Бразилию, или, предположим, Испанию, Россию и так далее). Помимо того, что это были разные политические, экономические модели, они тут же создали для решения кризисных проблем несколько форматов, включая «Бизнес 20», «Профсоюзы 20», «Экспертное сообщество 20».

2007-го, 2008-го года до саммита, который состоится в Санкт-Петербурге, G20 работает ровно над этим – как миру выйти из кризиса. Хочу сказать, что довольно эффективно работает. Предыдущий кризис (как справедливо показал **Аскар Акаевич**) кончился Второй мировой войной. Этот кризис, я надеюсь, что не кончился, никаких предпосылок к этому нет. Более того, мы мягко выходим из этой рецессии, даже Еврозона, которая, в силу причин (на анализ которых у меня нет времени), пораженная больше всего – даже для нее худшее позади.

Мне сейчас назовут Кипр. Но, вы меня простите: два миллиарда долларов, вся проблема Кипра для нас – это «Роснефти» «чихнуть» один раз, и все будет разрешено.

Поэтому пути, по которым мир выходит из кризиса – это, условно говоря, путь Трехсторонней комиссии. Путь диалога между правительством, предпринимательским сообществом и профсоюзами как представителями трудящихся. На этом пути будет искаться альтернатива тому, что происходит в настоящий момент. Как это будет преломляться в национальном плане, мне очень трудно сказать. Но, безусловно, тут мы переходим к российской действительности.

Российская действительность такова, что в первой половине нашего Конгресса мы услышали абсолютно различные сценарии. Если послушать вторую часть, которая меня интересовала больше, чем первая, потому что она была уже более приземлена именно к нашей тематике... Между, условно говоря, взглядами Лебедева, конкретного предпринимателя, который знает, о чем он говорит, когда говорит о руководстве крупными производственными единицами, и взглядами Глазьева – целая пропасть.

Эта пропасть – не пропасть экономических инструментов. Это пропасть между двумя мировоззренческими парадигмами, которые представляют собой (условно, очень условно говоря) свободно рыночную и госкапиталистическую, с одной стороны. С другой стороны, можно сказать, социал-демократическую и либеральную.

Каким образом суммировать все то, что сегодня утром происходило невозможно, потому что «каша» очень большая как в головах у выступающих, так и в головах слушающих, и парадигмы общей не найдешь. Вы не можете (если только не применить ЦК КПК и КПСС) сравнить всех с такой разностью взглядов на то, как жить, как...

как производить, как распределять. Поэтому единственный мой ответ на то, как примирить экономическую эффективность, которую обычно символизируют либералы, и социальную справедливость, которую обычно символизируют социал-демократы, я могу сказать только: свободой партийной конкуренции, свободными выборами, свободной дискуссией и подлинно свободными выборами, в первую очередь.

Тогда, как весь мир, который живет в том самом «золотом миллиарде», где нам хочется жить (будь то шведская, французская, американская модель) – вы регулярно сменяете свою власть и парадигму экономического развития. В Соединенных Штатах Америки в настоящий момент республиканцы называют Обаму «красным коммунистом», «предателем Родины». Тем не менее, большинство американского народа (небольшое большинство) выбирает его, «красного коммуниста», «социалиста», который хочет тратить больше из бюджета и больше распределять среди бедных.

Когда эта модель... Когда Обама со своей «уравнительной» парадигмой, видимо, нужной американскому народу (до определенной степени) начинает давать сбой, они избирают республиканцев, которые «затягивают пояса» бедных, снижают налоги богатых. Экономическая «машина» Соединенных Штатов делает рывок вперед.

Поэтому ответ на вопрос, поставленный горячо любимым **Русланом Семеновичем**... Каким образом он у меня зачислен в социал-демократы, я точно не знаю. Но раз он социал-демократ, то я, конечно, тоже социал-демократ. Чуть-чуть больше демократии, чуть-чуть меньше социализма. Но неважно: социал-демократ.

Ответ поставлен следующий: экономическая модель должна быть синергированной, соответствовать политической. Хотим

конкурентоспособную экономику – должна быть конкурентоспособная политика. Конкурентоспособная политика – это политика равной конкуренции различных идей, партий, свободные выборы, свободное гражданское общество, свободный человек. Спасибо большое.

(Аплодисменты).

Руслан Гринберг: Спасибо. Должен сказать, уважаемые коллеги, что я очень давно знаю Игоря Юргенса. Мы придерживаемся разных подходов к жизни. Я не хочу хвастаться, что наши с ним дискуссии всегда очень продуктивны только потому... Я вообще думаю, что это идеальный дискурс (как сейчас прямо говорить), потому что в процессе наших дискуссий мы время от времени меняем свои убеждения.

Думаю, что это важно, потому что, как правило, наше экспертное сообщество очень сегментировано и выглядит... Как правило, это касты, даже не касты, а секты. Секты со своей особой мантрой, в которые не допускаются другие. А если и допускаются – даже не слушают аргументов, а просто спросят: «А, это вот этот-то? А, так а что он может сказать-то? Понятное дело». Это, конечно, затрудняет вообще улучшение нашей российской жизни. У нас договороспособность почти нулевая у людей разных мировоззрений. А ведь в здоровом обществе...

Действительно, есть люди с разными мировоззрениями. Но они пытаются в рамках своей страны... Они все желают ей добра. Они вслушиваются в аргументы другого человека, вслушиваются, и иногда меняют свои. Тем самым возникает какой-то минимальный набор для консенсуса, для договоренностей, которые потом выливаются в рациональную политику.

Однажды мой друг справа, **Гжегож Колодко**... Я у него спросил в сердцах: «Гжегож, почему у вас получается реформа, а у нас – черт-те что?».

Он мне сказал две вещи, они мне до сих пор нравятся. Он говорит: «Во-первых, мы все поляки. Все. Это вообще трудно себе представить. Это намного легче всё делать. А, во-вторых, у нас в Польше либералы, коммунисты, социалисты, либертарианцы договорились, что «дважды два – четыре». А вот «дважды три» – уже спорим. А у вас «дважды два» – не ясно». Кто сказал? Рогов сказал? А что он может? А кто такой Рогов? Или Юргенс сказал? Как у нас говорят: «Ну, понятное дело, он там при Правительстве».

Я хочу подчеркнуть, это все мешает нам, нашему обществу. Не говоря о нашем начальстве – у нас всегда начальство виновато. Но мы сами тоже

хороши, вот это я хотел подчеркнуть, пользуясь тем, что сказал **Игорь Юргенс**, и тем, что здесь присутствует **Гжегож Колодко**.

Я специально здесь поменял немножко программу, чтобы академик Рогов, Сергей Михайлович **Рогов**, директор Института США и Канады. А дело в том, что последнее время мы поменялись здесь ролями. Я все про Америку больше рассказываю как директор Института экономики. А он начал экономикой заниматься. Я хочу сказать, что очень успешно. Прошу вас, Сергей Михайлович.

Гжегож Колодко: (*русский как иностранный*). Могу сказать, что касается «дважды два». Раз ты сказал, что я так сказал – так, наверное, я так сказал. Это было давно, потому что сейчас в Польше сейчас тоже «дважды два» – это не «четыре».

Руслан Гринберг: Тоже неясно?

Гжегож Колодко: Это не «четыре». Сейчас это так, как уже было раньше. А раньше было так, как еврей спрашивает раввина: «Сколько будет дважды два?». Раввин отвечает: «Это зависит от того, продаешь ты или покупаешь». В Польше сейчас тоже от этого зависит.

Сергей Михайлович Рогов, академик РАН, директор Института США и Канады РАН:

– Во-первых, хочу сказать, что, в отличие от Руслана Семеновича, уважаемый **Гжегож Колодко** никогда не допускал выпадов в мой адрес. А Руслан Семенович дважды по мне «проехался», и даже меня работы лишил. Хочу извиниться, что опоздал, и хочу извиниться, что мне нужно уходить. Я не экономист. Я занимаюсь боеголовками, противоракетами и прочими приятными вещами. Здесь как раз возникли перспективы, что, может быть, мы с американцами и придем к компромиссу.

Все-таки я хочу выступить *почти-на-тему* сегодняшней сессии. Буду говорить не столько про США, а, применяя свою методику подсчета боеголовок, а также межконтинентальных баллистических ракет и прочей гадости, к экономической сфере.

Уважаемые коллеги!

Тут уже затрагивались вопросы о моделях, которые существуют в современном мире. Я хочу довести эту тему, можно сказать, почти до

абсурда. Хочу поставить вопрос: какая модель государства оказалась наиболее эффективной в борьбе с последствиями кризиса?

Второй вопрос: а действительно социальная справедливость несовместима с экономической эффективностью, или возможен разумный компромисс?

Я буду говорить о ныне существующих моделях социального государства. Понятно, что, если говорить о восточно-европейской модели, существует разница между Польшей и Венгрией. Тем не менее, думаю, что можно сгруппировать все страны по нескольким моделям. Это будет не «средняя температура по больнице», а «средняя температура по палатам», поскольку в каждой палате свои болячки и свои лекарства. Буду использовать при этом данные Организации экономического сотрудничества и развития.

Я считаю, что можно говорить о шести моделях социального государства.

(Демонстрация слайда).

Первая – это скандинавская модель. Она сформировалась в результате того, что социал-демократы пребывали у власти в скандинавских странах на протяжении большей части XX века.

(Демонстрация слайда).

Западноевропейская модель – это нечто, соединяющее и социал-демократический подход, и христианско-социальный (или христианско-демократический).

(Демонстрация слайда).

Южноевропейская модель. Это страны, которые в середине XX века имели фашистские режимы. Это Италия, Испания, Португалия, вспомним «черных полковников» Греции. Они отличаются от предыдущих двух моделей, что встали позже на путь развития социального государства.

(Демонстрация слайда).

Восточноевропейская модель. Я вижу наследие социализма, которое причудливо смешалось с неолиберализмом.

(Демонстрация слайда).

Англосаксонская модель. Это либерализм плюс индивидуализм. Но хочу сказать, что вообще-то в Америке либерализм имеет немножко другое значение, чем то, которое используем мы. Поэтому, скорее, можно говорить

об американском либерализме как форме социал-демократии. Но ей противостоит неолиберализм, который является категорическим противником.

(Демонстрация слайда).

Восточноазиатская модель (если так можно говорить про Японию и Южную Корею). Это соединение конфуцианства с неолиберализмом.

Наконец, BRICS, где социальные государства просто отсутствуют.

(Демонстрация слайда).

Посмотрим на индекс человеческого развития. Мы видим, что самые высокие цифры – в скандинавской, англосаксонской и, как это ни удивительно, восточноазиатской модели. Прошу обратить внимание на этот момент, поскольку, казалось бы, скандинавская модель и англосаксонская модель – это два полюса. Тем не менее, мы видим, что есть нечто общее, которое по показателям.

Если мы посмотрим такие компоненты индекса человеческого развития, как ожидаемая продолжительность жизни ...

Средняя продолжительность жизни, средняя продолжительность обучения. Мы увидим, что здесь цифры тоже довольно близки, хотя отстают южноевропейская и восточноевропейская модели. BRICS отстает очень сильно.

(Демонстрация слайда).

Посмотрим на социальные факторы. Занятость. Самая высокая – в скандинавских странах. Самая низкая, как мы видим – в южноевропейской и восточноевропейской модели. Соответственно, и самая высокая безработица тоже в южноевропейской модели.

(Демонстрация слайда).

Если мы смотрим коэффициент Джини, здесь на 1-м месте по этому показателю находятся, безусловно, скандинавы.

Если говорить об уровне бедности, то и по показателю бедности они будут на 1-м месте, если не считать Восточную Европу, где немного своя специфика. Я вижу в этом наследие социализма, почему показатели бедности не слишком велики.

(Демонстрация слайда).

А вот очень интересное сопоставление психологических и политических факторов. Доверие людей друг к другу. Мы видим, что в Скандинавии самый высокий уровень такого доверия. Самый низкий – в южноевропейской и восточноевропейской моделях.

Уровень доверия к политикам – то же самое.

(Демонстрация слайда).

Уровень участия в политических выборах. Мы видим, насколько люди вовлечены в общественную и политическую жизнь – то есть процесс демократии непосредственно связан с процессом социальной справедливости.

Еще очень интересный показатель по толерантности. Хотя англосаксы, и может быть, потому что это нации, сложившиеся в результате миграции, несмотря на наследие рабства, расизм, на самом деле, у них уровень толерантности весьма высокий.

(Демонстрация слайда).

А теперь сравним, что произошло с государственными расходами за последние пять лет (2008-й и 2012-й). Казалось бы, сейчас все кричат: «**(неразборчиво, 02:20)**, надо ужиматься, сокращаться». А давайте посмотрим на цифры. Увидим, что единственный, кто сократился – это Южная Корея. Во всех других моделях сокращения не произошло.

Это данные на 2012-й год.

(Демонстрация слайда).

Приоритеты государственных расходов. Мы видим, что скандинавы, западноевропейцы больше всех тратят на здравоохранение, например. Образование – здесь, несомненно, лидируют скандинавы.

Оборона. Это особенность англосаксонской модели. Здесь традиционной функцией государства, то есть **(неразборчиво, 03:03)**, внешняя и внутренняя безопасность куда более ярко выражена, чем в современных моделях государства.

(Демонстрация слайда).

А вот очень интересная табличка, касающаяся основных направлений социальных расходов. Видите, первая колонка – пенсии по возрасту. Обратите внимание на цифру южноевропейской модели. Неслучайно то, что происходит в Греции, Испании, Италии, связано с тем, что у них даже более высокие расходы на пенсии (в Италии порядка 15%), чем в других моделях.

(Демонстрация слайда).

Еще один важный фактор.

Государственные и частные социальные расходы. Мы видим, что помимо государственных расходов, частные расходы играют весьма важную роль. Особенно в Соединенных Штатах и в ряде стран Западной Европы. За счет этого разрыв в социальных расходах. Вот посмотрите. «Государственные социальные расходы» идет колонка и «чистые социальные расходы», то есть после уплаты налогов.

В Америке социальные расходы практически не облагаются налогами, а в Скандинавии – еще как. Социальные выплаты, пенсии – с них все равно надо платить очень приличный, высокий подоходный налог, и разрыв вроде бы уменьшается.

(Демонстрация слайда).

Времени нет, поэтому я сейчас пропускаю вопрос о налогах, и вступаю в окончательную часть. Вот государственные социальные расходы и коэффициент Джини. Посмотрите, какая корреляция происходит.

Индекс человеческого развития с учетом неравенства (самый последний доклад, который вышел). Получается, что здесь различия очень серьезные.

Вы помните, что индекс человеческого развития без учета неравенства – англосаксонская модель занимает очень высокие позиции и конкурирует, если не обгоняет, скандинавскую модель. Но как только появляется фактор неравенства, становится видно, что американская модель и модель, которая существует в других странах-осколках Британской империи (если будет позволено так сказать), здесь разрыв очень велик.

(Демонстрация слайда).

Вот предпоследняя таблица.

Мы знаем, что в Америке очень высокая производительность труда. Но посмотрите, что произошло. 50 лет назад почти во всех странах работали 2000 часов в год и больше (южнокорейцы до сих пор). Посмотрите, что происходит в Скандинавии и в Западной Европе. А ведь это, мы вспомним далекую нашу марксистскую молодость, это мерило человеческого прогресса – наличие свободного времени. Сколько человек должен вкалывать для того, чтобы обеспечивать себе пропитание.

Последняя таблица.

Получается, государственные доходы самые высокие в Скандинавии (поскольку расходы самые высокие) – а государственный долг меньше! Возникает ситуация, которая требует очень серьезного экономического анализа.

Получается, чем больше налоги, чем больше доля государства – тем меньше государственный долг.

Руслан Гринберг: Это нормально. Чем больше налоги, тем...

Сергей Рогов: Но посмотрите, нас на протяжении последних лет учили, что «надо сокращать налоги, надо урезать, чтобы не было дефицита». А, получается, факты свидетельствуют о другом.

(Демонстрация слайда).

Вот последняя уже, точно последняя таблица.

Индекс конкурентоспособности (который составляет Давос) за 2012-й год. То, что было опубликовано накануне последнего форума. Посмотрите, как интересно. Все-таки по конкурентоспособности (не только по социальным показателям) скандинавская модель и западноевропейская модель показывают лучший показатель, чем англосаксонская и восточноазиатская модель.

Реплика: *Неразборчиво, без микрофона.*

Сергей Рогов: Нет, это статистическая погрешность, которая, как ты видишь по этим таблицам, прослеживается с очень большой регулярностью. Там есть некоторые отличия. Есть особенности американской системы, которые свидетельствуют об ее эффективности. Но поскольку Игорь начал мне возражать – я просто последний тезис хочу сказать.

У американцев – вы помните табличку о частных социальных расходах... Очень высок. Что такое частные социальные расходы? Америка с помощью налоговой системы стимулирует людей тратить на социальные цели (на пенсии, на образование) и возмещает им эти затраты, понижает налог.

Но получается, что возместить эти затраты (частные и социальные) можно только тем людям, у которых есть деньги, чтобы эти расходы делать, совершать эти социальные расходы. А более бедные слои населения, которые не могут совершать эти расходы, соответственно, не получают налоговых льгот.

Именно в этом суть сегодняшнего противостояния между **Обамой** и республиканцами, потому что Обама как раз хочет допустить беднейшие

слои к социальным благам, к которым они не имели доступа. Отсюда идея налоговой реформы, усиления прогрессивного налога и, в принципе, увеличения государственных социальных расходов и сокращения военных расходов.

Я думаю, что события ближайшего времени продемонстрируют: движется ли Америка в сторону социал-демократической модели (поскольку не случайно Обаму называют «левым коммунистом» и так далее), либо это такой временный всплеск, и все-таки традиционный, более консервативный, неоконсервативный или неолиберальный американский подход восторжествует.

Спасибо.

(Аплодисменты).

Руслан Гринберг: Спасибо. Очень важное информативное выступление. На самом деле, эту систему много еще исследовать, чтобы понять, как это происходит. Конечно, мы привыкли к тому, что американцы отличаются очень серьезно от европейцев. Самые бедные люди вместе с богатыми все время критикуют “Big government” («Большое правительство»), но живут за счет него в основном. Это очень забавно.

Но главное, что они все знают, что в бедности виноваты они сами, что тоже против европейской культуры. В Европе все-таки считается, что устройство тоже виновато – социальное устройство тоже виновато в том, что есть бедные и богатые.

Короче говоря, спасибо, Сергей Михайлович. Я из-за особой симпатии к вам три минуты вам прибавил, но впредь больше этого делать не буду. Спасибо, что вы нашли время прийти к нам.

Сейчас **Гжегож Колодко**, в недавнем прошлом вице-премьер Польши, сегодня замечательный профессор, в Америке работает, в Польше работает. Самое главное, что он очень правильно судит о жизни, а еще правильно он говорит, что «нужно читать Гжегожа Колодку».

Гжегож Колодко: Да, но ты не сказал, я также работаю в России.

Руслан Гринберг: Я говорю, что он еще и в России работает.

(Смех в зале).

Гжегож Колодко: Спасибо. Да, но мы это все знаем, в чем дело. Мы знаем, что есть неравномерность. Мы знаем (большинство ученых, частных людей и экономистов), что неравномерность доходов и уровня жизни работает против

экономической эффективности, экономического роста и экономического развития. Тогда почему есть так, как есть? Мы знаем, есть как есть. В чем дело?

Гжегож Колодко (*продолжает*): Дело в том, что очень много людей просто нерациональны. Они не думают рационально. Что такое рациональность? Есть в этой аудитории не интеллигентный, не умный человек? Поднимите руку, пожалуйста. Смотрите, мы все интеллигентные! А какая функция рационализма? Рациональный человек – это может быть Президент Путин или Президент Обама, может быть известный академик Российской Академии наук или польский профессор, это может быть российская девушка. Все! Это может быть человечество, цивилизация современная. Интеллигентный человек – это такой рациональный человек или люди, которые работают...

Реплика: Не «интеллигентный», а «интеллектуальный».

Гжегож Колодко (*русский как иностранный*): Интеллектуальный – это по-русски интеллигентный? (*Реплики, обсуждают значение слова*).

Интеллигентный – это который знает, как **(неразборчиво, 01:05)**. А интеллектуальный – это интеллектуалист. Умный человек, рациональный – это такой который делает на свою корысть, своекорыстие, считая информацию, как мы все знаем, что для нас хорошо.

Реплика: Калькуляторы.

Гжегож Колодко (*русский как иностранный*): Не знаю. Проблема в чем? В информации. Нам надо говорить, откуда информация. А что такое информация? Информация – это факты, способность интерпретации этих фактов.

Я смотрю на жизнь, на американский Конгресс, на российскую Думу, на польский Парламент, на председателей правительств, Минфин и других политиков. Почему у них так много нерациональных решений? Например, только за последнюю неделю – что касается начальников Европейского союза.

Как можно было сделать такую ошибку? Как уже сделали, так надо стрелять! Как в вестерне. Кто-нибудь берет кольт – надо стрелять. А они взяли кольт, а потом говорят: «А сейчас пойдём в Думу и будем играть в демократию». Как можно делать такую ошибку? Очень много нерациональности.

Откуда она берется?

Просто потому что в эпохе информации зависит от чего? Смотрите на Соединенные Штаты. Там неравномерность расходов (мы слышали и видели тоже информацию) слишком большая, сильно работает против экономического роста.

Как можно, что 48% умных людей, интеллектуалов, интеллигентных людей голосовали за Ромни и Райана. За Ромни и Райана – их 48%.

48% голосовало за экономическую программу, которая просто дурацкая! Дурацкая со всех точек зрения: конкурентоспособности американских предпринимателей, а также социальной ситуации американского населения.

Почему? Потому что демократы манипулировали общественным мнением через медиа. (Неразборчиво, 03:33) говорим сейчас, это умные люди, но откуда у людей информация? Из медиа. Поэтому надо знать, в чем дело и какая справка.

Мы знаем, это все, что здесь сказали.

Да, там, где полнейшая(?) неравномерность, там все лучше. Не только качество жизни, не только социальная интеграция. Там тоже, как мы видели, большая конкурентоспособность. То же в Польше. Руслан сказал, что в Польше «дважды два – четыре» – вообще уже нет и никогда не было. В Польше ежедневно мы (спешаем, 04:10), что надо, чтобы была большая неравномерность. Это условие экономической эффективности. Это просто неправда(?).

Когда господин Линдберг(?) спрашивает, что сделать, чтобы была и свобода, и справедливость. Я бы сказал, что это слишком сложная проблема.

Свобода – это одно дело. Свобода значит, что есть свобода выбора. Когда нет выбора, есть только выбор из чего-нибудь плохого, плохой политики – вообще нет свободы, это просто фикция.

Справедливость – справедливости вообще нет. Мы не знаем, что это, потому что для одного справедливость, для второго нет.

А есть еще третий фактор – безопасность.

Есть свобода, есть безопасность и есть справедливость, и как в экономической политике сделать, чтобы это все работало вместе. А надо, чтобы все работало (не хочу быть популистом), чтобы все время это было на основах экономической эффективности.

Вот скандинавская модель или норвежская, более чем так называемая западногерманская, показала, что это возможно, чтобы была свобода,

социальная безопасность большая, чем в неолиберальной англосаксонской модели, и какая-то социальная справедливость вместе с эффективностью.

Что касается России. Я работаю в России тоже время от времени. Конечно, здесь справедливости вообще нет. Что вы сделали за последние 20 лет? Вы построили такую неравномерность \неравенство\, какая была последний раз при царях. Такое неравенство была до революции, как есть сейчас.

Уже (неразборчиво, 06:14) не больше, чем в Бразилии, потому что последние 12 лет в Бразилии (очень большая страна) ВВП Бразилии 3% мировой продукции, ВВП России тоже 3% мировой продукции. В Бразилии такой тип экономической политики, такая идеология, такая практика, что у них продолжается (неразборчиво, 06:33) 0,50 – 0,55, а в России год за годом больше и больше.

Моя точка зрения такова, что есть какие-то рамки. Это не точка, это рамки. Что касается Джини: когда меньше, это работает против экономического роста и конкурентоспособности. Когда больше, это тоже обращается против экономической экспансии.

Я бы сказал, что более-менее в современном мире, потому что это тоже зависит от уровня экономического развития. Одно дело в Европе, другое дело в России, третье дело в Швейцарии. Но это где-то между 0,25 – 0,35. С этой точки зрения, коэффициент Джини **завышен** и в Китае, и в России, и в Соединенных Штатах, но он **завышен** в этих странах по разным причинам, **по разной истории**.

Нам надо что сделать? Надо чтобы **Стиглиц**... Я хочу сказать, что надо, чтобы на таких конференциях туда и сюда Стиглиц и другие, (неразборчиво, 08:13), а не русские ученые, Стиглиц... Другие – американцы, американцы, американцы! Что американцы знают, можно посмотреть. Это не made in Russia кризис, это made in USA кризис.

Этот кризис сделан не на основах экономических теорий, которые вышли из МГУ имени Ломоносова в Москве. (Неразборчиво, 08:37). Вышла из самых известных американских университетов. Эта экономическая мысль, на основе которой разработан этот кризис, она плохая.

Я вам могу сказать из моей практики, как я делал в Польше политику, хорошую экономическую политику можно разрешить только на основе хорошей стабильной экономической теории. Нельзя было убежать от этого кризиса на основе либеральной экономической теории, которая в том смысле работает, чтобы люди думали, что они интеллектуальны, что они умные, и делали что-нибудь, что не на их счет, а против их экономических интересов.

В этом дело. Нам нужна правильная экономическая теория, если мы хотим, чтобы была какая-то будущая хорошая экономическая политика. Еще раз: нет **возвращения к business as usually, что случилось в последние пять лет(?)**. Нет на Востоке, больше на Западе. Это самая большая компрометация экономических наук. Тоже некоторых, которые предпочитают слишком много. Спасибо.

(Аплодисменты).

10:24

Руслан Гринберг: Спасибо большое. **Гжегож Колодко** сказал очень важные вещи. На все это в мире есть мода. Есть мода на доктрины, есть мода на создателей доктрин. Как итальянцев нельзя заместить в качестве главных специалистов по дизайну от трактора до одежды, так и последние 50 лет ангосаксы правят, имеют моду на теоретические концепции. Надо сказать, очень сильная инерция здесь есть. Легко сказать Гжегожу, что надо, чтобы цитировали **Линдберга(?)** и поменьше Стиглица цитировали, хотя мы примерно одинаково думаем. Но ясно одно: мы должны сами развивать свои собственные взгляды на этот мир. Я вам должен всем объявить.

Гжегож Колодко: Стиглиц не такой плохой, но **Линдберг(?)** тоже хороший.

Руслан Гринберг: Конечно, очень. Я хотел бы вам всем объявить, что к нам присоединился замечательный человек, живая легенда мировой науки Жорес Иванович Алферов. *(Аплодисменты)*. Я очень счастлив, что он нашел время, чтобы поучаствовать у нас. Жорес Иванович, если не возражаете, мы вам не сейчас дадим слово. У вас есть время, мы сейчас здесь найдем что-нибудь.

Я сейчас предоставлю слово нашему американскому другу. Мы про Америку говорили. Я думаю, что будет очень правильно, если Джеффри Соммерс, профессор университета Висконсина.

Джеффри Соммерс, профессор Университета Висконсин-Милуоки (США): (Речь на английском языке, 12:19 – 12:58).

Джеффри Соммерс (продолжает): *(речь на английском языке, 00:00 – 07:40).*

Руслан Гринберг: Большое спасибо, Джеффри. Это очень интересные рассуждения. Они мне напоминают эту нашу историю, что мы перенимаем иногда у американцев не лучшие образцы поведения. Когда мы в ЖКХ, например, освободились от государственного диктата и ввели управляющие конторы, как раз началось то, что ты говорил сейчас, как в Америке. Когда

(**неразборчиво, 08:13**) берут на себя частные предприятия, абсолютно безответственное поведение начинается – и не с кого спросить.

Сегодня **Владимир Путин** очень обеспокоен этим делом. Когда были ЖКХ, хоть как-то можно было регулировать их тарифы. Теперь управляющие компании – непонятно, кто там бенефициар, кто где находится, кто собственник. Они, конечно, могут творить теперь чудеса с этими тарифами.

А предполагалось, что прозвонит звонок в вашей квартире, заходит «дядя Коля», предлагает за «5 рублей» сменить вам кран. А через 10 минут заходит «дядя Петя», который за «3 рубля». А вы будете выбирать.

Таких сказок мы наслушались, а теперь вся страна стоит на ушах. Даже говорят, что новоиспеченный русский **Жерар Депардьё** после того, как получил счет за коммунальные услуги в городе Саранске, опять попросил французское гражданство. (*Смех в зале, аплодисменты*).

Мы продолжаем нашу секцию. Слово имеет профессор **Цаголов**, замечательный русский экономист и бизнесмен.

Георгий Цаголов: Нет, уже нет.

Руслан Гринберг: Как? Нет уже?

09:48

Георгий Николаевич Цаголов, профессор Международного университета в Москве:

– Да. Только (**неразборчиво, 09:49**). Одно за счет другого. Вы знаете, как говорят, бизнес не любит измен, и наука тоже, кстати говоря.

Я вообще хотел сказать что. Есть две части, как мне кажется: «экономическая свобода и социальная справедливость» и вторая, может быть, после двоеточия «уроки мирового кризиса».

Я хотел начать вообще со второй части (уроки мирового кризиса) и как бы связать этот вопрос с тем, что вопрос об интеграции мирового хозяйства учит ли вот этому – осмотрительности нашего вступления в мировую экономику.

Естественно, мы не (**неразборчиво, 10:34**), мы должны быть связаны с этим. Но вот все-таки вопрос о ВТО. Сейчас прошло больше полугода, и этот вопрос уже поставлен в практическую плоскость. Мы можем сказать, ВТО – это то или не то для нас.

Здесь сегодня уже говорилось о том, что там мы одна из последних стран. На сам деле, не последняя, после нас еще две страны вступило, еще многие. Но

это тоже не аргумент. Главное, это было сделано своевременно, правильно и что нам это дало, что показывает практика. Этот вопрос я хотел рассмотреть.

С другой стороны, мне хотелось несколько слов сказать и о первой части – о социальной справедливости тоже. Поэтому я хотел бы попросить, там какие-то у меня написаны вещи. Я в полном объеме, естественно, ничего не могу сказать, но какую-то часть просто кому-то отдайте. Я не знал, что столько народа будет и не захватил много экземпляров. Я вернусь к этой части как ко второй. А вначале мне хотелось бы среагировать по вопросу экономической свободы и социальной справедливости.

Это, конечно, центральнейший вопрос. В связи с чем? Вы знаете, пару дней тому назад одна женщина-депутат Госдумы обратилась с предложением, чтобы депутатам подняли более чем в два раза заработную плату (до уровня министров). Это очень острый вопрос. Очень остро среагировали на то, что у министров оклады, по-моему, 300 – 330 тысяч в месяц, и надо их тоже поднять и так далее. Но это вещи раздражительные, конечно.

Если бы наши дела шли хорошо, если бы из года в год у нас все было бы в порядке и росли бы зарплаты, и не росла бы дороговизна, и так далее, и так далее, это можно было бы все делать. Но это становится очень большим вопросом. В связи с этим реакция была тоже очень острая.

Но у нас на памяти есть и другое. Вы помните, по-моему, в прошлом году “Forbs” рассказал о том, какие получают наши менеджеры оклады и золотые парашюты какие у них.

Георгий Цаголов (продолжает): 25 – 30 миллионов долларов в год, а «золотые парашюты» такие, что по 200 миллионов один человек получил, уйдя из «Норильского никеля» и так далее. Но и это ведь еще не всё.

А наши самые богатые, те, которые входят в золотую сотню “Forbs”? Иногда так бывает, что они получают каждый час по Нобелевской премии. По миллиону долларов каждый час, если взять их годичный заработок.

Конечно, об этом уже говорилось. Это вопиющие контрасты. Никакая Бразилия, никто не может сравниться с этим. Знающие наши социологи называют цифру 30 раз, а не 17 раз (неразборчиво, 00:49) коэффициент. А в Москве, где проживает 76 миллиардеров (больше, чем в Лондоне и в Нью-Йорке), эта цифра зашкаливает за 100.

Это опаснейшая вещь. В Европе если 7 – 8, уже считается, что это на уровне того, что может произойти социальный взрыв. А мы, видите, сильные, мы

терпим. Но все до поры, до времени. Русский бунт очень нехороший. Поэтому, конечно, этим вопросам надо уделять внимание.

Откуда это все идет?

Это идет, по-моему, от того, что у нас такой капитализм. Мы пришли к капитализму, но не просто к какому-то. Мы говорим: «олигархи, бюрократия» и так далее. Здесь особая бюрократическо-олигархическая форма капитализма, которая в силу естественных законов создает вот эти громаднейшие контрасты.

Очень трудно сейчас повернуть это все в другую сторону и ликвидировать такие огромнейшие противоречия и контрасты, которые существуют. Это очень трудно сделать – но это надо сделать. Иначе это сделают другие. Мы не хотим каких-то катаклизмов, каких-то революций и прочего – значит, надо думать об этом.

02:09

Но чтобы в этом смысле думать, надо видеть все-таки форму общества, к которой мы должны стремиться. У нас очень много разных точек зрения на этот счет.

У нас говорят, что нужен нам в будущем постиндустриализм. Но совершенно ясно, что это характеристика производительных сил. Мы должны сказать что-то другое.

Говорят: «социально ориентированная рыночная экономика, социальный капитализм» и прочее. А на Востоке говорят о другом. На Востоке, например, сейчас говорят о том, что это «китайская мечта», и что это они строят социализм. Или во Вьетнаме тоже строят социализм. Какой социализм строится, если на рыночные рельсы переводится все это!

02:54

Не получается ли так, что все-таки вот это слово, которое давно известно, «**конвергенция**», а еще лучше «**интегральное общество**», оно напрашивается. Почему? Потому что оно дает самые высокие темпы роста. И в странах BRICS, и во Вьетнаме, и в Китае, несмотря на то, что они на таком уровне находятся, там все идет быстрее и быстрее. Индексы человеческого капитала и прочие там тоже более или менее в порядке.

Сорокин еще говорил (наш Питирим Александр Сорокин) о том, что будущее будет не коммунистическим. Они показывают, что сам коммунизм и социализм в чистом или любом виде не эффективен: он зажимает свободу экономическую.

А капитализм, особенно в связи с этим кризисом, показывает, что он уводит в другую степь совершенно. Он отрывается от производства, становится спекулятивным и так далее. Это все ясно.

Поэтому где-то мы, наверное, можем обозначить: нам ясно, к чему надо стремиться. Хотя эти вещи кажутся несовместимыми, на самом деле, совместимы.

Уже говорилось о том, что социализм оказал громадное влияние на капитализм и он стал социализированным, и наоборот. Опыт Китая и Вьетнама – они уходят от этого, но не так, что они идут к капитализму, и конечная цель капитализм. Нет. Это у них НЭП, это все вместе взятое, и это стратегия на 300 лет вперед.

Это что – это конвергенция, это интегральное общество. Оно нарождается на наших глазах. Кто идет этим путем, у них все хорошо. Скандинавия – это что? Это и социализм, и капитализм в одном флаконе.

Теперь я бы хотел отбросить этот сюжет и перейти все-таки к тому, что же нам показал опыт вступления в ВТО.

04:55

22-го августа прошлого года это случилось, и уже совершенно ясно, какие это результаты.

Я проанализировал, что показали эти семь месяцев. Хочу вам сказать – ничего хорошего. Абсолютно.

Были споры раньше: стоит вступать или нет. Аргументы какие: «мы за интеграцию в мировое хозяйство». Интеграция правильно – кто против интеграции! Но на каких условиях и когда?

Кто вступил (сейчас 158 стран, мы – 156-я), кто имел успех? Успех имели только те, которые подготовились тщательно к этому.

Украина вступила в 2008-м году – провал сплошной. Киргизия одна из первых вступила – провал полный! Латвия, Прибалтика вступили – плачут! И многие другие страны тоже плакали, и у них тоже проблемы большие.

А вот Южная Корея подготовилась. Она сначала модернизировалась, а потом вступила, и Китай точно так же. И у них это получилось.

А мы... Главное же не в том, что мы 18 лет вели переговоры. Главное, что мы без модернизации вступили в ВТО. И у нас теперь вот так чешут затылок: «что же получилось?».

А получилось вот что. Скажем, вот здесь сегодня были представители сельского хозяйства, «Росагромаша» и так далее. Громаднейшие потери, закрываются предприятия. Какие мы приняли условия?

Скажем, живые свиньи, которые идут на убой. Мы снизили пошлины таможенные с 40% до 5% – то есть в 8 раз. У нас теперь получается так, что наши производители не могут себе себестоимость и закрываются.

Я знаю, что многие бизнесмены сейчас приходят в банки: «Дайте нам кредиты». Не дают кредиты почему? Потому что нет перспектив. Никакие бизнес-планы не показывают, что они могут концы с концами.

Это не только в этой области. Возьмем, скажем, «АвтоВАЗ. «АвтоВАЗ» покупает уже (**неразборчиво, 07:16**) в Индии. Шинники плюются, потому что ничего не могут сделать. А в магазинах увеличивается количество импортных товаров. Вот получается таким образом.

Причем нам кажется – кто это сделал? Богатые хотели или крупные капиталисты и прочее. Раздрай шел повсюду. В бизнесе то же самое.

Некоторые, допустим, были за это (скажем, **Мордашов** или еще некоторые другие бизнесмены), а вот **Дерипаска** и **Лисин** выступали против этого. Как выразился **Лисин** (это, по-моему, есенинское выражение), «не надо нам, задрать штаны, бежать за предложением европейского сообщества».

Тут впечатление такое получается, что у нас как когда-то провели эту шоковую терапию, так точно здесь выкрутили руки, и уже они определились, что надо, надо обязательно идти в это ВТО! «Это хорошо, это что-то». Пришли – а теперь мы видим отрицательный результат.

Я вам хочу сказать, что и **Путин** эти вещи очень хорошо знает – и это их тревожит. Они намечают какую-то программу.

Что говорят? Говорят так, что теперь надо очень быстро предпринимать срочные меры для того, чтобы изменить модель нашей экономики. Какую модель, куда и как это можно сделать быстро? Это очень и очень опасно.

Тем не менее, действительно нас это ставит в цейтнот. Мы должны сейчас самым экстренным образом поменять что-то так, чтобы нам не терпеть сплошные убытки от вступления в ВТО. Это исключительно важно.

Спасибо.

(Аплодисменты).

Валерий Геец: Спасибо. Смена модератора – это не значит, что смена темпа и смена режима, по которому мы работаем. Прозвучал у профессора

Дзарасова интересный контекст взгляда на социальные проблемы через призму ВТО. Это еще одно направление нашей дискуссии.

Но пока спорят в основном экономисты, а что думают по этому поводу философы, мы, к сожалению, пока не слышали. Поэтому с удовольствием предоставлю слово **Валентине Федотовой**. Она представляет Институт философии Российской Академии Наук. Пожалуйста.

10:18

Валентина Гавриловна Федотова, *зав.сектором социальной философии Института философии РАН*:

– Конечно, справедливость – это мечта каждого. Но нет единых представлений о том, что такое справедливость.

Сегодня в контексте нашей дискуссии больше всего звучит модель социал-демократическая. Она представляет собой контракт между бизнесом, работниками и государством, регулирует отношения и приводит к справедливому распределению произведенного «социального пирога» и защите прав каждой из групп, вступающих в этот контракт.

Но проблема состоит в том, что в условиях глобализации капитал (один из важнейших компонентов этой модели) убегает туда, где выгодно. Надо иметь какие-то особые рычаги для поддержания способности капитала работать на интересы страны. В Скандинавии, где сохраняется социал-демократия, она сохраняется на основе базовых принципов патриотизма, их антиглобалистских настроений.

Была попытка сделать смягченный вариант социал-демократии, он назывался «Третий путь». Предложил его **Гидденс**.

Блэр пошел по этому пути, но **Шредер** и **Жоспен** не смогли. Поскольку эта модель связана с тем, что значительная часть функций, выполняемых государством, берет на себя гражданское общество. А в Германии и Франции оно не оказалось столь развитым, как в Англии.

Но ведь о справедливости говорят не только социал-демократы. Говорят и либералы. Многие вещи, которые достигнуты в Америке и в странах этого региона, достигнуты на основе концепции, которую предложили либералы (Тейлор, **ИМЯ**, 12:28, Ролз).

Возьму, к примеру, Ролза. Его концепция совершенно проста: если вы можете себе представить, что вы можете упасть с высоты вашего сегодняшнего положения вниз, то согласитесь на максимизацию минимума.

Максимизация минимума – ничего кроме. Но это кладется и в страховые, и в другие процессы.

В действительности в концепции **Ролза** есть очень сильная этическая максимума. Вы беретесь в этом случае, по крайней мере, мысленно разделить судьбу другого. Этой максимумы у нас в обществе сегодня не существует. Особенно со стороны элит, которые очень высокомерно относятся к населению: никаких мыслей о разделении судьбы другого не наблюдается. Такие чисто социальные проекты (социальной справедливости) мало проходят тут, ибо у нас разрушилась та социальная и моральная основа, которая позволяла их сделать.

Александр Бузгалин на пленарном заседании высказал такую печальную мысль: если мы не можем ничего сделать со стороны социальной сферы, может быть, мы можем сделать что-то со стороны производственной. Я имею очень печальный опыт. Собираясь на одну республиканскую конференцию, посмотрела региональные проекты Стратегии развития до 2025-го года – я была потрясена. Каждый (каждый!) регион к 2025-му году станет постиндустриальным обществом. Поскольку я готовилась к конференции, мне пришлось обсудить с экономистом одного региона, почему у них у всех одинаковые выводы.

Он ответил: «Это методология такая». Это методология производства идеологием! Самых настоящих идеологием, которые совершенно пренебрежительно относятся к науке.

Мы сейчас имеем ситуацию, когда повседневные знания являются основным руководством, а как-то слегка схваченные научные термины используются. Это является источником бесконечного производства диссертаций со стороны чиновничества и полной безграмотности.

Как сказал на предыдущем заседании один краснодарский бизнесмен: «Не с кем поговорить». Кому мы можем объяснить, что это совершенная глупость, которая не может быть произведена?

Надо сказать, что **Адам Смит** написал свою книгу «О богатстве народов» через 7 лет после того, как **Уайт** запатентовал паровую машину. Но в своей концепции он касался по-прежнему ремесленного, а не индустриального производства. Он не спешил обратиться к новому виду производства. У нас же уже говорят: всё, мы приближаемся, мы становимся.

Почему так говорят. Потому что мы ищем панацею от всех бед. Мы ищем очередное спасение. «Вот постиндустриальное – это спасение». Мы всегда ищем эту формулу.

На самом деле, постиндустриальное общество по всем концепциям и реалиям – это очень тяжелое общество, где существует «проблема 20 к 80». Этому производству нужно 20% высококвалифицированных людей, тогда как 80% окажутся за пределами производства.

Возникает очень серьезная проблема занятости и очень большие преувеличения по части всеобщей счастливой жизни и справедливости, которая здесь установится.

Надо сказать, что доминирующей концепцией в отношении производственных функций является следующая. Запад производит модель продукта, дизайн продукта. Азия с ее дешевой рабочей силой производит сам продукт. А Россия... Ну, уже никто не знает, что она делает.

Казалось бы, мы могли занять в этом раскладе роль производителя интеллектуального продукта. Но если выпускники Физтеха, изобретшие графен, вынуждены уехать в Англию, чтобы получить Нобелевскую премию, мы понимаем, что интеллектуальный продукт – это продукт, который ценится менее всего и подменяется вот такими идеологемами.

Есть знаменитый доклад Института исследования глобальных проблем McKinsey. Он называется «Открывая будущее». В нем полностью отвергается объяснение, что Запад только производит модель, Азия изготавливает продукт. О нас не говорят. На самом деле, с точки зрения этого Института, происходит совсем другое.

В Азию пересылается только тот продукт, который является трудоемким и требует среднеразвитых рабочих рук. Это текстильное производство, электронная сборка. Но туда совершенно не посылаются наукоемкий продукт. Предыдущая секция была посвящена индустриальному производству. Непонятно, о чем говорили. Какое индустриальное: вернуть то производство, которое разрушили, создать новое? В чем принципиальное отличие этого нового от того, которое разрушили. Вообще говорить о справедливости в условиях невозможности получения образования и достойного места в труде не приходится.

С точки зрения доклада McKinsey, существует передача не творческих, не наукоемких, ручных, среднеразвитых процедур, которые могут выполнять неквалифицированные или среднеквалифицированные работники.

Что касается России. Я боюсь, что тут тоже очень много возлагают надежды на «прежние» производства, в то время как речь идет о том, что на Западе сохраняются производительные индустрии, которые являются наукоемкими, творческими. Они включают высокотехнологичное производство. Они не требуют при этом постиндустриальное несущее всем общее счастье.

Мне кажется, сегодня фронт этой справедливости лежит в трудовой занятости людей. Когда-то Черномырдин сказал: «Мы не хотим превратить Россию в страну лавочников». Но ее превратили! А сейчас – я не знаю, во что ее превратили.

Все эти мотивации более сложного смысла, более полные картины образования перестали действовать у нас.

Что такое индустриальное производство. Это то, что передается. Это среднеразвитое, требующее ручного труда.

Что такое производящая индустрия. Это высокотехнологичные, требующие высокой квалификации работники. Я не услышала сегодня от **Глазьева** ничего подобного об этих производящих индустриях.

Последнее, что я хотела бы сказать.

Есть у нас кое-что. Например, завод «Белая металлургия» под Челябинском. Это наукоемкое высококвалифицированное производство проката, где

работают инженеры в качестве рабочих, и где ощущение справедливости рождается не из какого-то социального проекта, посвященного распределению, разделению, а рождается из условий труда, возможностей оплаты, ощущения себя комфортно, полноценно и так далее.

Спасибо.

(Аплодисменты).

Валерий Геец: Спасибо. Уважаемые коллеги, мне кажется, госпожа **Федотова** подняла актуализированный, очень важный вопрос соотношения между социальным государством и государством развития. Если посмотреть в прошлое, то существовавшее в разных моделях, как показал господин **(ФАМИЛИЯ, 08:49)**, накопление человеческого капитала благодаря социальному государству достаточно мощно обогнало накопление физического капитала. Но как теперь капитализировать тот капитал, который накоплен в человеке – это остается для нас дискуссионным. В связи с этим я с удовольствием предоставляю слово профессору **Дзарасову**.

Солтан Сафарбиевич Дзарасов, профессор Института экономики РАН: – Первое, что должен был бы сделать наш Форум (мне кажется), состоит в том, чтобы сказать, что свобода и справедливость, о которых мы так говорим, в рамках существующей у нас модели экономики не достижимы. С этой иллюзией надо расстаться!

Второе, что должен был бы сказать, с моей точки зрения. По примеру Китая, Вьетнама, Индии и Бразилии нам тоже надо принять **планово-рыночную модель экономики**.

Вот что надо сделать. Спрашивали: «Говорите о том, что делать!». Вот это и надо делать. Об этом я и хочу поговорить.

Валерий Геец: Помня о том, что она уже была.

Солтан Дзарасов: Да. О том, что мы за 20 лет топчемся на том же и том же уровне ВВП, уже говорилось. Так же по целому ряду других показателей. Но никто не сказал, что в советское время смертность населения была 8 – 10 человек, а теперь – 14.

Нужны ли еще какие-нибудь другие показатели, чем этот, чтобы сказать, чего это стоит?

Если люди вымирают – то о чем речь! Не от хорошей жизни.

Вступление в ВТО (Георгий Николаевич уже об этом говорил) окончательно закрепит наше положение как страны периферийного капитализма. Придется поставлять на мировой рынок сырьевые и топливные товары по ценам ниже, а покупать товары (даже продовольствия покупаем 60%) выше их трудовой стоимости.

Таковы цены на мировом рынке. Цены на мировом рынке сделаны к выгоде стран «золотого миллиарда» и к невыгоде тех, кто на них работает. Мы обречены на них работать!

Права на интеллектуальную собственность и технические новшества по условиям ВТО будут закреплены за другими, но не за нами. О какой «модернизации» всерьез можно говорить в таком случае. Ни о какой. Почему? Потому что «то, что плохо – это хорошо». Это плохо для одних, но хорошо для других. Очень даже хорошо! Я специально принес сюда (я прошу операторов сделать так – заранее я, правда, не показал) вот такую книгу, чтобы ее поднять вот так высоко. Посмотрите. Книга называется «Лондонград». Десятки тысяч выходцев из России поселились в Лондоне со своими миллиардами и со своим безумием купли и продажи. Эта книга должна была бы называться «Российское хамло в Лондоне и ее проделки». Они скупают королевские дворцы и поместья. Они скупают спортивные клубы, дворцы, черт его знает, еще что. Наводят ужас на мирных добропорядочных лондонцев своими безумными расходами, своим мерзким поведением. Это наши соотечественники, забравшие туда свои миллиарды и рассматривающие свою страну как поле для охоты трофеев. Живут они там и связывают свое будущее с тамошним. Вот это надо назвать «Россия – модель, которая устраивает их». Я его называю «Россия для грабителей». Их здесь никого нет! И никто не придет, и никто не будет слушать, что здесь говорят! А вот судьбы в стране решают они. Капиталы-то – у них. Как наш голос до них дойдет? Никак. Если бы кто-нибудь из них сидел здесь – наверное бы, меня застрелили.

Дело в том, что здесь у нас положение не лучше. Наши, те, кто не уехал – они точно такие же. Те разоблачения, свидетелями которых мы являемся (по коррупции, по **(неразборчиво, 01:49)**) – это только вершина айсберга. Это такая модель экономики, которая ежечасно, ежеминутно, в массовом масштабе порождает это. Так называемая «борьба» против них – это совершенно бессмысленное занятие. Не бессмысленное, вообще-то говоря – тоже надо вести борьбу, безусловно. Это я оговорился. Но – не решит проблему, вот что я хочу сказать.

Та модель экономики, которую мы приняли, которая у нас есть – она подняла это «дно» на вершину общества, и это «дно» село нам на голову, вызывая то недовольство, о котором много здесь говорили (я бы мог сослаться на многие хорошие выступления, которые были здесь, но времени нет).

Но не надо быть Нострадамусом, чтобы предсказать, что добром это не кончится. Одежда с чужого плеча нам не подходит. Я старался это показать... Недавно я написал и издал книгу «Куда Кейнс зовет Россию?». Но я хочу спросить разрешения прочитать одно неизвестное высказывание Кейнса о России, и следует ее принять. Давайте я это прочту.

Кейнс говорил так: «Гений русского славянства показал себя слабо приспособленным к современному бизнесу и предпринимательству в рамках усложняющейся экономики индустриального мира, которая потому часто перепоручалась иностранцам и полуиностраннным силам. Более чем другим европейцам славяне должны быть признательны своим евреям. Русские, которые колеблются между бессознательной самонадеянностью и смутным универсализмом, не очень-то склонны к организованному индивидуализму в стиле Западной Европы. Вклад, который творческая мощь России внесла в копилку мировых ценностей — иного рода».

Кейнс орлиным взором увидел в нас то, что мы не видим сами. Мы люди иного рода. Если говорить за бедняков, то таких философов, писателей, художников, композиторов и балерин, и много-много чего, которых дала Россия, США не дали.

Зато на такую промышленную и деловую культуру, технику и рациональную организацию, на которые способны США, мы не способны. “*Suum cuique*”, как говорят (латынь) – «Каждому свое». И это свое мы должны понять.

В Китай вернулось больше двадцати миллионеров, которые заработали свои деньги за рубежом и теперь вернулись домой, и дома это делают. Назовите хоть одного русского. Нет. Мы – другие. Нам... 10 или 8 миллионов населения... В Венгрии есть Сорос. Назовите(?) русского Сороса. Нет.

Англичанами и американцами мы быть не можем. По примеру таких успешно развивающихся стран, как Китай, Вьетнам, Индия и Бразилия, мы тоже должны отказаться от Вашингтонского консенсуса и принять модель планово-рыночной экономики. Порок советской практики состоял в том, что рынок не корректировал план. Порок нынешней системы состоит в том, что рынок не увязывается с социальными целями общества.

Мы отказались от того, что умели, и взялись за то, что мы не умеем. Надо нам сшить кафтан по собственной фигуре. Вот это я и называю планово-рыночной экономикой.

Самая последняя фраза, которую я скажу, состоит в том, что российский идеал – не свобода, которая у нас превращается во власть волков над овцами. А российский идеал – это социальная справедливость. “*Social justice*”, говорил здесь наш гость из Австралии. “*Social justice*”. К этому надо стремиться. Но к этому нельзя подойти, не ущемив, сильно не ущемив интересы финансовой олигархии. Придется пойти на кое-какие жесткие

меры, если мы хотим. А если мы только **(неразборчиво, 06:53)** говорить, то еще десять конференций проведем.

Решимся мы на это или нет – от этого зависит наше будущее. Спасибо.

(Аплодисменты).

Валерий Геец: Спасибо большое. Мы услышали еще один взгляд на то, как решить проблему этого противоречия. Правда, вопрос о том, как, каким путем это будет решаться, остается очень дискуссионным.

Я с удовольствием предоставляю слово господину Виктору Кувалдину, представителю МГИМО.

Виктор Борисович Кувалдин, *российский политолог:*

– Спасибо. Но в данном случае я представляю Московскую школу экономики МГУ. Наш Форум начался с констатации того, что в мире много форумов. Думаю, что Московский форум, если ему суждена долгая, счастливая судьба, в первую очередь, должен делать упор на свое интеллектуальное содержание. Конечно, не надо строить иллюзий. Мы не можем, как бы уважаемы мы ни были, поменять ситуацию в стране.

Это не результат заблуждений. Солтан Сафарбиевич абсолютно прав. За нашей экономической, социальной и политической системой стоят огромные интересы небольшого, но очень влиятельного числа наших сограждан, сконцентрировавших в руках в худших российских традициях собственность и власть. Но мы можем постараться дать какую-то оценку ситуации.

Я хочу сосредоточиться на той части нашей заявленной программы, которая говорит об уроках кризиса. Сейчас не самое лучшее время говорить об уроках кризиса, поскольку, как мне кажется, острая фаза кризиса позади (это 2007 – 2009-й год). Но мы не вышли из кризисной полосы. Только-только начинают намечаться контуры ответа. Тогда и можно будет подводить уроки кризиса.

Сейчас это было бы точно так же, как мы пытались бы рассуждать о судьбе мира, если бы наш Форум состоялся бы не в 2013-м году, а, скажем, в 1935-м, где-нибудь в Европе, когда Европа только-только начинала выходить из Великого кризиса в Великую депрессию. Тем не менее, по-видимому, какие-то контуры ответа маячат на горизонте.

Мне кажется, что еще бы хорошей чертой нашего Форума (а все-таки он собирается не в швейцарской деревне, а в одной из мировых столиц – в глобальном городе, в «третьем Риме) могла бы быть непровинциальность взгляда на вещи.

Здесь говорилось (эта тема все время всплывала), Россия существует не сама по себе. Она существует в глобальном мире. С моей точки зрения, он был сформирован в результате процесса глобализации где-то на рубеже 1980-х и 1990-х годов и существует не как самый сильный и влиятельный игрок. У нас 2% мирового населения. У нас где-то 3% мировой продукции. У нас очень много всякого рода проблем.

К сожалению, сегодняшняя Россия во многом представляет такой своеобразный архипелаг «рублевок» и «кущевок». Она встроена в определенную мировую систему. Здесь об этой системе (в несколько ином роде) говорилось, когда речь шла о ВТО. ВТО – это только один из элементов этой системы, и, как мне кажется, элемент не главный.

Поэтому, если мы говорим об экономике России, о том, что здесь можно было сделать, то надо говорить о системе в целом. Мне кажется, этот разговор никак не может разделить экономику и политику. Это сейчас такие «сиамские близнецы», которых не сможет разделить самый искусный «хирург» в мире.

Реальное содержание мировой политики (как мне представляется) – это на 80% – 90% экономика. Нельзя понять никаких экономических процессов, если мы не учитываем вот эту мощную политическую компоненту.

В каком виде Россия, новая Россия, оказалась в глобальном мире. Я сказал, что, с моей точки зрения, он был сформирован, начал свой отчет на рубеже 1980-х и 1990-х годов. Раньше это была страна, которая глупо и бездумно была разрушена нами самими. Вчерашняя сверхдержава, которая превратилась в «больного человека Евразии». Начинала она, естественно, вот с таких очень слабых стартовых позиций.

В то же время сам мир представлял (мы об этом не хотели говорить, потому что это было тяжело, болезненно)... Но он пришел, родился как мир в виде действительно однополярного мира, в виде законченного западного (в первую очередь, американского) проекта, который проводился на протяжении всего XX века, и который нашел свое логическое завершение, в соответствии с интересами авторов этого проекта, именно к концу XX века.

После этого он претерпел определенную эволюцию. Эти 25 лет не прошли бесследно. Эволюция, как мне кажется, заключалась в том, что эта однополярность размывалась. Если в 1990-е годы никто не ставил под сомнение (по крайней мере, из серьезных аналитиков), что мир западноцентричен и американоцентричен, то в «нулевые» (прошедшее десятилетие) это стало не совсем так.

Это стало не совсем так. Ушло два элемента. Соединенные Штаты из крупнейшего в мире кредитора, которым они были в 1980-м году, превратились в крупнейшего в мире должника.

Второе, что выяснилось – выяснилось ограниченность силы. Соединенные Штаты являются самой сильной страной в мире. НАТО по своему потенциалу не имеет себе равных соперников в мире. Как военная организация это, бесспорно, величина № 1.

Но выяснилось, что этими инструментами решать фундаментальные политические проблемы невозможно. В этом, собственно, основной урок иракской войны, урок Афганистана. Соединенные Штаты не добились своих целей ни в Ираке, ни на Ближнем Востоке. Придется Соединенным Штатам и Западной коалиции уходить из Афганистана и, скорее всего, передавать там власть талибам или силам, которые близки к ним.

Эти два компонента **выявлены** сейчас. Основной вопрос, который заключается – а что дальше? Куда мы пойдём. Будет ли это движение идти дальше в этом направлении.

Если вы посмотрите соответствующие оценки, которые экстраполируют (подчеркиваю) экономическую динамику мира, они говорят о том, что мир будет меняться, и что все больше будет укрепляться позиция новых стран. В частности, в первую очередь называют Китай.

Если вы посмотрите все экономические сопоставления, вы увидите, что по целому ряду показателей Китай уже обогнал Соединенные Штаты. Причем по серьезным показателям. Таким, как, скажем, выплавка стали. Таким, как объем экспорта. Таким, как выдача патентов в Китае.

Можно сказать, что качество китайских патентов ниже, чем качество американских патентов. Да, это сейчас так, но это изменится.

Если вы посмотрите по всем ООН-овским рейтингам, китайская школа стоит где-то в районе 33-го места. Американская школа стоит по тем же рейтингам на 58-м месте. Китай свой интеллектуальный потенциал массовый готовит ничуть не хуже, а может быть, даже лучше, чем Соединенные Штаты.

При простой экстраполяции кажется, что действительно Китай может очень сильно потеснить Соединенные Штаты. В частности по оценкам журнала “**The Economist**”, в 2016 – 2018-м году по объему ВВП Китай обгонит Соединенные Штаты, если мы будем считать ВВП и по обменному курсу, и по паритету покупательной способности.

Тем не менее, мне кажется, что это вопрос открытый, поскольку это вопрос политической борьбы, это вопрос политической динамики.

Здесь говорилось вскользь... Я хочу обратить внимание, тем более ушел наш «американец» № 1 академик Сергей Михайлович Рогов, так что здесь можно немного порезвиться на его территории.

Мужской голос: Мы обязательно ему об этом доложим.

Виктор Кувалдин: Что вы говорите?

Мужской голос: Мы обязательно ему об этом скажем.

Виктор Кувалдин: Я вам буду признателен. Я думаю, что Сергей Михайлович по старой дружбе простит.

Соединенные Штаты предпринимают очень серьезные усилия для того, чтобы защитить свои позиции на экономическом рынке. Здесь академик Глазьев говорил о новом технологическом укладе, который будет базироваться на нано-технологиях, биотехнологиях и информационно-коммуникационных технологиях.

Я хочу обратить ваше внимание на тот факт, который тоже здесь упоминался. Очень серьезные усилия предпринимаются в традиционных технологиях, как добыча сланцевого газа (а сейчас и сланцевой нефти), которая стала резко менять ситуацию на мировом энергетическом рынке.

Второй элемент, который мне кажется очень важным. В Соединенных Штатах – они, конечно, уходят от этой вакханалии финансового капитализма. В какой-то степени этот финансовый пузырь даже был естественен. С этого, собственно, и начинался капитализм.

С этого он начинался исторически. Он начинался с ростовщического капитала, с торгового капитала. Промышленный капитал пришел намного позже. Он начинался в целом ряде стран именно с финансового капитализма. Вспомните, скажем, Францию после революции 1830-го года, Июльскую монархию.

Соединенные Штаты уходят, потому что принят целый ряд серьезных мер, государственных мер, которые должны предотвратить подобные эксцессы в будущем.

Третий момент, как мне представляется. Соединенные Штаты, конечно, достаточно резко сдвинулись при Обаме в сторону социального государства. Собственно, вся его политика (здесь наиболее важный показатель – то, что было сделано в области медицинских страховок, то, что их получило почти 50 миллионов американцев) – важнейший шаг в этом, как мне представляется, правильном направлении.

Еще очень важный элемент, на который, может, мало обращают внимание. Соединенные Штаты предпринимают очень серьезные усилия по консолидации своей позиции как мирового лидера.

Китай мощная поднимающаяся страна, но страна с огромными внутренними проблемами. Проблемами, которые грозят взорвать Китай. Китай не прошел точку, когда можно сказать, что Китай действительно социально стабильная страна.

Это страна с огромными достижениями, с огромными контрастами, с огромными противоречиями. Это страна, которая и сегодня идет по минному полю. В Китае все держится на достаточно узком круге элиты, связанной системой круговой поруки, и это **открыто**.

Соединенные Штаты, естественно, это прошли. А сейчас они явно проводят политику окружения и изоляции Китая.

Китай одинок, а Соединенные Штаты не одиноки. Причем в стиле постмодерна они маскируют, по существу, геополитику в виде коммерческих и торговых предприятий.

Впервые начаты серьезные переговоры (после 20-ти лет) по созданию трансатлантической зоны свободной торговли – объединения НАФТА (Североамериканской зоны свободной торговли) и Европейского союза. А также идут серьезные переговоры в отношении транстихоокеанской зоны свободной торговли. Это, конечно, даст им огромные ресурсы.

Я вижу здесь два сценария. Первый сценарий – это сценарий такого плавного спуска с горы. То, что сделала Великобритания, передавая палочку лидера Соединенным Штатам в первой половине XX века.

Или же (мне кажется более реалистичным) сценарий, когда и Соединенные Штаты, и Запад постараются защитить свои позиции в глобальном мире,

постараются закрепиться и используют в этом плане очень богатый арсенал. В том числе и политический опыт.

Что можно сказать в этом случае о нас. Здесь я не буду ординарным, здесь это прозвучало. Я думаю, что в том виде, в котором мы находимся, нам уготована судьба страны, которая будет платить по чужим счетам. То, что сейчас происходит на Кипре – это маленькая капелька, это наглядная демонстрация того, что может случиться с Россией в ближайшие десятилетия. Поскольку, конечно, смысл выхода из кризиса для сильных заключается в том, чтобы переложить издержки на тех, кто слабее.

Соединенные Штаты перекладывают часть своих издержек, печатая доллары, на весь мир, и в частности на Евросоюз, на Японию. Она напечатали 16 триллионов, здесь не случайно Глазьев упомянул, прозвучала эта цифра. Внутри Евросоюза сильные страны (Северная Европа) перекладывает это на Южную Европу. Периферийные страны будут перекладывать это на тех, кто слабее.

В данном случае пока что в качестве естественного претендента на роль слабака, увы, оказались мы. Если здесь мы не найдем в себе силы пойти против течения (а против этого говорит и сложившаяся наша экономическая система, и та роль в мировом разделении и мировом разделении ролей, которая нам уготована), конечно, наше будущее не завидно.

Спасибо за внимание.

(Аплодисменты).

Руслан Гринберг(?): Спасибо большое.

Уважаемые коллеги, в который раз прозвучало предупреждение о возможных обострениях ситуации. Наверное, было бы отдельно вне этого Форума обсудить вопрос о том, как все сделать для того и таким путем, чтобы то обострение, о котором здесь говорили многие, не произошло.

А сейчас я предоставляю слово всем известному, который не требует представления, **Жоресу Ивановичу Алферову**. Мы помним о том, что мы все-таки гуманитарии, и очень важно, что о нас думают представители фундаментальных наук, о чем мы говорим. Но еще более важно его мнение как выдающегося физика современности, который может с какой-то степенью вероятности сказать, когда же наконец фундаментальные науки дадут всплеск новый технологический, который изменит ситуацию в экономике. Спасибо.

Пожалуйста.

Жорес Иванович Алферов, *вице-президент Российской Академии Наук*:

– Спасибо большое за представление. Я, конечно, чувствую себя несколько неловко, поскольку выступаю, в общем, не на своем, что называется, мероприятии. А всегда очень важно, когда профессионально оцениваешь все эти вещи.

К сожалению, я не смог утром приехать, мне нужно было быть обязательно на заседании коллегии Министерства образования и науки, перенесенном со вчерашнего числа (а так-то все было бы нормально).

Я когда слушал, я вспомнил – поскольку эти проблемы близки всем, на самом деле. От них жизнь наша зависит.

Я вспомнил, как не нынешнюю, а предыдущую Думу мне предложили открыть. Потому что я оказался старейшим депутатом Государственной Думы. Уже в нынешней Думе я был не самый старый – там появились постарше меня.

А тут предложили открыть как старейшему депутату. Я помню, что мне предложили (там Комиссия по регламенту есть), чтобы я обязательно представил текст. Я сказал, что я не могу представить текст.

Я просто вспомнил президента Академии Наук СССР Анатолия Петровича **Александрова**, про которого мы часто шутили, что он неграмотный, потому что он читать не умеет. Потому что он всегда выступал без какого-либо текста.

Я сказал: «Вы знаете, я так же, как Анатолий Петрович, неграмотный, поэтому я буду говорить просто то, что я думаю». А им очень хотелось текст!

Была та же проблема, конечно. Она всегда у нас. Я просто вспомнил, как-то в 2004-м или 2005-м году Ангела Меркель пригласила группу нобелевских лауреатов в Потсдам для обсуждения экологических проблем. Но в том числе были доклады и, как говорится, о социальном неравенстве.

Я впервые узнал такой термин у вас «бокал шампанского». Причем бокал не старой формы, а новой, более модерновой. Это значит, что в этом бокале шампанского почти всё в самом бокале, а ножка, которая держит всё (и на ножке большая часть населения), получает только процентов 10.

Поскольку нужно было открывать Думу, я взял у своей супруги пару таких бокалов и поехал в Москву. Открывая Думу, я сказал вот об этом и сказал,

что общеизвестно, что в Советском Союзе соотношение самых богатых и бедных было примерно 5 к 1. Сегодня в Беларуси в районе 6-ти. В Швеции, в других странах – чуть больше. Как вы говорили совершенно правильно 9-ть – это уже опасно. У нас официально было тогда 17. На самом деле, 30 и больше.

Проблему эту решить... Я решил ее тогда при открытии. Я взял просто этот бокал и разбил его. Бокал шампанского разбить просто. А проблемы экономические, конечно, решить очень тяжело. Но ее нужно обязательно решать.

Тогда же я сказал, обращаясь к премьер-министру (Зубкову в то время). Что я вспомнил старую историю, как в середине XIX века лабораторию великого Фарадея посетил мистер Гладстон, который был премьер-министром Великобритании в это время. Когда Фарадей ему рассказал о тех работах, которые он делает, Гладстон спросил: «А что мы будем делать с вашим электричеством?». Фарадей ему ответил: «Вы будете получать налоги».

То же самое я сказал и Зубкову: «Если вы поддержите науку, и научные разработки пойдут в дело – вы от них начнете получать налоги».

Дальше.

Я не хочу никого обидеть, но когда я слушал доклады, я вспомнил замечательного французского физика Пьера **Эгрейна**, с которым я был хорошо знаком. Он специалист в физике полупроводников, как и я. Провел когда-то блестящую конференцию в Париже в 1964-м году, на которой ваш покорный слуга был.

Он как-то сказал на открытии одной из конференций по оптоэлектронике. Он рассказал такую очень короткую притчу. Как вообще происходит научно-технический прогресс. Он сказал – «физик». Нормально, это может быть и биолог, и химик. «Экспериментатор открывает новые явления». Приходит математик, теоретик – и создает теорию этого явления. Потом, если явление заслуживает того, инженер создает новый прибор. Это все идет в дело. Потом, как сказал Пьер **Эгрейн**, открывая эту конференцию, приходит философ, который не знает ни физики, ни математики, но обо всем может хорошо поговорить, и рассказывает обо всем этом деле.

Это я просто так, к слову.

Экономический форум. Когда я получал Нобелевскую премию, вместе со мной в 2000-м году по экономике Нобелевскую премию получал Джеймс Хекмен (из Чикаго). Замечательный экономист. По моему приглашению он не раз потом приезжал в Петербург. ВВС проводило круглый стол. Тот диктор ВВС, который ведет сейчас программы (он уже не очень молодой) – задавал нам вопросы наиболее актуальные. «Ответьте». Я помню, Джеймс был моим соседом, за этим большим столом нас было 12 человек.

Джеймс на один из вопросов сказал так: «Научно-технический прогресс во второй половине XX века полностью определялся соревнованием СССР и США. Очень жаль, что это соревнование закончилось». (*Аплодисменты*).

А теперь я перейду к тому, что я подготовил.

Поскольку я-то, в общем, считаю, что, конечно, и философия, и экономика очень важны. Но все развивается вполне определенным образом. Мы говорили: бронзовый век, каменный век. Про вторую половину XX века я могу сказать, что это кремниевый век. Это век микроэлектроники, которая в значительной степени определяла научно-технический прогресс и многое другое.

У меня был очень хороший (к сожалению, уже нет его с нами), замечательный знакомый, физик, приятель, товарищ **Джордж Портер**. Он был президентом Лондонского Королевского общества. Мы, кстати, с ним много вместе бывали в Южной Корее и очень много познакомились еще в 1990-е годы с развитием Южной Кореи как таковой.

Поскольку у нас очень любят говорить: «наука прикладная», «наука фундаментальная», «вот это развивать, вот это разделять» и прочее... Он как-то сказал замечательную фразу: «Вся наука прикладная. Разница только в том, что отдельные приложения возникают быстро, а некоторые – через столетия. Все, что мы делаем, в конечном счете, потом находит приложение и определяет развитие цивилизации».

Перед тем как меня **Руслан Семенович** пригласил на это дело, я с самого начала чувствовал неловкость и неудобство, потому что в ваших вопросах я ничего не понимаю. Но все-таки... Вот я назвал свое выступление с вами «Прорывные технологии второй половины XX века и их современная роль». Вот тут картинка такая, это то, что мне удалось в эти 1990-е и в начале 2000-х построить в Питере единственное, вообще говоря, научно-образовательное учреждение вновь построенное – это наш академический университет. Единственный университет в системе Российской академии наук. У меня

пять лет ушло, чтобы пробить бюрократию, чтобы разрешили. Просто я вначале просил бюджет 5 миллионов рублей.

А сейчас это первый корпус слева – там у нас и спортивный центр, и лицей – физико-техническая школа, основа нашего развития со школы. И новый специализированный корпус, который... Владимир Владимирович, поздравляя меня с Нобелевской премией в 2000-м году, пригласил в Кремль. Я тут же написал бумагу, чтобы получить деньги на этот корпус. Он построен. У нас прекрасная гермозона, великолепная, одна из лучших в Европе лаборатория молекулярной эпитахии, гостиница... Но его еще нужно очень сильно развивать. Ладно, рекламой заниматься не буду.

(Демонстрация слайда).

Я подумал о тех новых технологиях, которые, на самом деле, определяли развитие во второй половине XX века. Это, прежде всего, атомное оружие, атомная энергия, реактивные двигатели и космические технологии, создание ЭВМ, открытие транзистора, лазера. Основы современных информационных технологий. Это то, за что была дана Нобелевская премия нам – открытие кремниевых чипов и гетероструктур.

(Демонстрация слайда).

Все это, на самом деле, базировалось на фундаментальных исследованиях. Портер абсолютно прав: базовые исследования – основа. Но затем появлялись открытия, которые показывали дорогу на приложения. Атомное оружие и все прочее. Я просто это помню, поскольку мальчик был, но помню. Это работа Гана и Штрассмана, Нобелевская премия Гану в 1945-м году (или в 1946-м). А открыли они в 1938-м, опубликовали в январе 1939-го. Открытие деления урана – сразу же. Об атомной энергии говорилось много. Но конкретно это открытие – и можно делать. Можно и бомбу дела, можно и энергию.

(Демонстрация слайда).

Основа была – теория цепных реакций. Это Рудольф Пайерлс, кстати, женившийся в Харькове на нашей сотруднице. Он работал у нас в Ленинградском физтехе и в Харькове. Он – почетный член Ленинградского физтеха.

Отто Фриш из Германии... Оба они из Германии переехали в Англию. Англия в 1941-м году была впереди США в этом деле. А у нас – Зельдович и

Харитон. Эта работа по теории цепных реакций определила возможность создания оружия. Вы видите, сразу, советские ученые тут же...

(Демонстрация слайда).

Можно много говорить, что дала разведка. Если бы не было школы Иоффе, никакая разведка не помогла бы нам в решении атомной проблемы. Энрико Ферми. Реактор в 1942-м году в декабре в Чикаго. И появился плутоний. И появилась быстрая дорога, как делать бомбу. Роберт Оппенгеймер все это возглавил, а у нас – Игорь Курчатов. Его Абрам Федорович предложил. Это было блестящий выбор для страны. Это счастье страны, что во главе атомного проекта оказался такой человек, как Игорь Васильевич. Блестящий ученый, великолепный организатор, и человек, который все прекрасно понимал.

(Демонстрация слайда).

А дальше нужно было... Бомба была сделана. Я могу, кстати, сказать, что американцы в 1948-м году, проанализировав состояние работ в СССР, пришли к выводу, что мы взорвем бомбу в 1954-м, не ранее. Мы взорвали в 1949-м. Между прочим, просто так, деталь, когда про разведку очень много говорят.

Англичане были впереди американцев. В 1942-м году из-за того, что Англию бомбят, Черчилль и Рузвельт договорились, они все переехали в США и Канаду. В 1946-м году американцы решили: «англичане нам больше не нужны», вернули их в Великобританию и, простите, бомбу не дали.

Английское правительство в 1947-м году приняло решение делать бомбу самим. Специалисты английские, которые вернулись в Англию, знали в сто раз больше, чем мы получили от разведки. Они знали все. А бомбу англичане взорвали в 1952-м. Им потребовалось пять лет после крупномасштабного решения.

У нас решение было принято 20-го августа 1945-го года, Спецкомитет и 1-е Главное управление. А бомбу мы взорвали 29-го августа 1949-го года. Потому что была школа Иоффе, потому что была физическая школа, и люди понимали все. Потому что сумели организовать все это дело. А дальше – водородная бомба.

Эдвард **Теллер** и Станислав **Улам**, польский, кстати, математик, работавший в этом проекте, блестящий вообще. Они придумали радиационную имплозию, которая стала основой водородной бомбы. А у нас часто об этом

не говорят. Виталий Лазаревич Гинзбург, предложив реакции на дейтериде лития, сам, может быть, в это время даже не думая об этом, решил эту... Самый большой творческий вклад, потому что дейтерид лития – это вещество типа мела, и можно иметь бомбу, нигде не охлаждая дейтерид лития до водородных температур, и иметь бомбу вообще в виде бомбы, а не устройства, которое взорвали американцы в 1952-м году размером с двухэтажный дом.

Но, чтобы это было реально, нужно было научиться делить изотопы литий 6. Это проблему решил Борис Павлович Константинов у нас в Ленинградском физико-техническом институте. Только после этого, обнаружив в высоких слоях атмосферы литий 6, когда засекли взрыв еще «Слойки» – американцы поняли, что мы решили проблему транспортабельной бомбы. Транспортабельную бомбу взорвали весной 1954-го года.

(Демонстрация слайда).

Водородная бомба. «Слойка», прежде всего. Александров – это атомный флот. Атомный флот Советского Союза по параметрам, по всем был намного выше классом, чем атомный флот США. Атомная энергетика возникла у нас, и, конечно, Игорь Васильевич ее создатель.

(Демонстрация слайда).

Создание ЭВМ. Без ЭВМ жить нам нельзя. Электронно-вычислительная машина “ENIAC” появилась в 1946-м или 1945-м году.

Она была, кстати, не двоичная. Не по алгебре (неразборчиво, 00:04), а на десятичном коде. Она имела 18 тысяч ламп. Она имела (я не помню, сколько) десятков тонн, как минимум, вес. Занимала огромную комнату.

Между прочим, специалисты планировали развитие вычислительной техники уже после открытия транзисторов на вакуумных лампах. Думали, что сделают следующую на трех тысячах вместо 18 тысяч ламп.

Джон фон Нейман – великий математик. Фон-неймановская архитектура вычислительной техники стала основой вычислительной техники в целом. У нас **Сергей Алексеевич Лебедев!** Я имел счастье быть с ним знакомым. Я для него в 1954-м году делал линейки фотодиодов, чтобы на наших первых вычислительных машинах заменить перфокарты с контактами на световую сигнализацию. Мы это сделали тогда.

Наша БЭСМ-6 не уступала ни одной американской машине. Ее архитектура, ее ориентация на собственную микроэлектронику. В вычислительной технике фон Нейман и Сергей Лебедев – успешно соревновавшиеся мировые лидеры.

(Демонстрация слайда).

В космосе (мы все этим гордимся) **Константин Циолковский**, конечно, раньше, чем **Герман Оберт**. Но Герман Оберт тоже сделал очень много предсказаний комических полетов.

(Демонстрация слайда).

Между прочим, первый ракетоплан был наш. Его начали делать в 1938-м году. В 1940-м был первый полет ракетоплана.

(Демонстрация слайда).

Реактивные двигатели и самолеты. Да, первым успел... Вообще первый реактивный самолет – “Heinkel”. Успешный по-настоящему **Вилли Мессершмитт**: “Messerschmitt 262”.

Но первый пассажирский самолет ТУ-104. У меня, прошу прощения, будущая жена работала в Химках на фирме Глушко. Я, будучи старшим научным сотрудником, имея зарплату 300 рублей, каждую субботу за свои деньги летал на ТУ-104 в Москву к своей будущей супруге.

При этом у трапа самолета покупал билет, а самолеты летали с 6 вечера до 12 ночи каждый час (с перерывом в 2 часа днем). Это был настоящий челнок. Билет взял – тут же поставил чемодан. Билет стоил 11 рублей. Так что на свою зарплату в 300 рублей я прекрасно мог 4 раза в месяц летать к своей будущей супруге.

Сергей Ильюшин. Немногие помнят, что ИЛ-86 – это единственный гражданский пассажирский самолет, не имевший ни одной аварии. Вообще говоря, если бы все у нас было в порядке сегодня, продолжение ИЛ-86 было бы чудом (вместо Boeing-787).

(Демонстрация слайда).

Все то, что делают из материалов... Недавно ушел от нас **Иосиф Фридляндер**. Материаловед. Material science в России всегда была одной из самых сильных. Все пассажирские и военно-транспортные самолеты – из его сплавов.

(Демонстрация слайда).

Ракеты? Да, **фон Браун** был блестящим пионером. **(Неразборчиво название, 03:41)** – великолепное создание. Р-7 создал **Сергей Павлович Королев**.

Именно Р-7 была первой баллистической межконтинентальной ракетой. Сначала испытали ее как ракету для оружия, а потом она понесла первый в мире спутник.

(Демонстрация слайда).

Вот эти люди. **Мстислав Келдыш**. Я думаю так. После войны у нас было четыре великих президента Академии наук. **Сергей Вавилов, Александр Несмеянов, Мстислав Келдыш и Анатолий Александров**. Они были разные каждый.

Вавилова я только слушал и никогда не видел. Начиная с Несмеянова, я с ними много раз имел дело. Это были потрясающие люди! Совершенно разные, но одно было у них общее. Они были по-настоящему выдающимися учеными. Президент Академии наук должен быть именно им.

Если бы Сергей Павлович не умер в 1966-м году, я могу вам сказать совершенно точно – несмотря на неопубликованные закрытые работы, Келдыш, Королев и Глушко были бы Нобелевскими лауреатами.

Один из примеров космических технологий: солнечная энергетика. Я могу вам совершенно уверенно сказать, что вторая половина XXI века – это не нефть и не газ. Это солнечная энергетика. В 1974-м году мы начинали эти программы. Тогда в США стоимость одного ватта на полупроводниковых фотоэлементах была 100 долларов в модуле. Сегодня это 2 – 2,5. Завтра будет – доллар. Он будет экономически более выгодный, чем все другое.

Это неиссякаемый источник энергии. По-настоящему чистый. Сбрасывается с высокой энтропией все в космос, а низкоэнтропийная энергетика развивается на земле.

Это кремний слева. **Николай Степанович Лидаренко** внес огромный вклад в это дело.

Это станция «Мир». На «Мире» уже стояло 70 квадратных метров солнечных батарей на моих гетероструктурах. Когда мы их первые ставили в 1974-м году на военные спутники, американцы писали только первые статьи. А наши уже летали на спутниках!

(Демонстрация слайда).

В 1956-м году Нобелевскую премию получили **Вильям Шокли, Джон Бардин, Уолтер Браттейн**. Я хорошо знал всю троицу. Великий среди них, конечно, Джон Бардин: единственный в истории физики дважды Нобелевский лауреат. Он получил первую за открытие транзистора и вторую за теорию сверхпроводимости. Я его очень хорошо знал. Он много раз приезжал к нам в институт и ко мне в лабораторию. Мы с ним в Урбане много раз говорили.

(Демонстрация слайда).

Он необычайно высоко ценил советскую науку. Всегда подчеркивал ее международный характер. Это оглавление его Нобелевской лекции. Что было основой открытия транзисторов?

Базовые исследования. Теория **Вильсона** в Великобритании. Теория фотоэлектрических явлений нашего **Якова Ильича Френкеля**. Теория контактных явлений **Бориса Иосифовича Давыдова** – одна из фундаментальных.

(Демонстрация слайда).

В полупроводниках ее основы были заложены еще в начале 1930-х годов **Владимиром Пантелеймоновичем Жузе и Борисом Васильевичем Курчатовым**, братом Игоря Васильевича. Они впервые экспериментально показали примесную и собственную проводимость полупроводника, а Френкель и **Иоффе** впервые продемонстрировали туннельный характер целого ряда явлений.

Если бы нам не пришлось в 1945-м отдать все силы на бомбу, а мы продолжали систематические исследования полупроводников, я думаю, транзистор был бы открыт в Ленинградском физтехе.

(Демонстрация слайда).

Нобелевская премия по физике 1964-й год: **Таунс, Басов и Прохоров**. Здесь, простите, уже и в Нобелевской премии без нас не обошлось, потому что создание лазеров и мазеров – эта великая троица.

(Демонстрация слайда).

Это 2000-й год. После большого перерыва. Ваш покорный слуга, **Герберт Крёмер и Джек Килби** (*аплодисменты*). Гетероструктуры и кремниевые чипы. Без кремниевых чипов ничего не может быть: ни одного компьютера, ни одного ноутбука. Без моих гетероструктур – ни волоконно-оптической связи, ни считывания с компакт-дисков, ни мобильных телефонов, ни солнечных батарей на телекоммуникациях и многого, многого другого. У нас, между прочим, в конце 1980-х годов опытное производство по многим вещам было раньше, чем в США. А потом 20 лет полной катастрофы! Я могу сказать – в физике новых революций за эти 20 лет не произошло. Но развитие технологий... Именно эти вещи, скажем, стали массовыми.

(Демонстрация слайда).

Здесь можно **сказать** про известный закон Мура. **Гордон Мур** – один из основателей компании “Intel”. Он сказал, что экспоненциально растет плотность транзисторов. Значит, экспоненциально падает цена на них. Сейчас мы на грани. Скоро, наверное, он не будет выполняться, но это другая проблема.

Бурное развитие микроэлектроники дало очень многое.

(Демонстрация слайда).

Это просто пример фундаментальных физических исследований в гетероструктурах. Вы опять видите: Шокли, Крёмер, Алферов, Алферов.

(Демонстрация слайда).

Алферов, Алферов. Келдыш и (**неразборчиво имя, 10:13**). Опять мы и американцы. Еще (**неразборчиво имя, 10:16**). Японец, но он работал в Штатах.

(Демонстрация слайда).

Из этих фундаментальных физических явлений волоконно-оптическая связь. Первый лазер, работавший при комнатной температуре, наш.

(Демонстрация слайда).

Это солнечные батареи. Низкие орбиты – это кремний, а высокие орбиты – это только гетероструктуры. Высокие орбиты – это все телекоммуникации. Это ГЛОНАСС, навигация, все остальное.

(Демонстрация слайда).

Это транзисторы. Вы пользуетесь мобильным телефоном – там стоит транзистор на гетероструктуре.

(Демонстрация слайда).

Это то, что обязательно будет. Они тоже получали с нами Нобелевскую премию по химии: **Алан Хигер, Алан Мак-Диармид и Сиракава**. Мак-Диармида, к сожалению, нет уже. Хигер постоянно к нам приезжает. Бабушка у него из Витебска, а я сам родился в Витебске.

Это открытие проводящих полимеров. Они придут на смену полупроводникам. Здесь, к сожалению, нас нет, но мы обязательно должны быть.

Какой смысл всего моего выступления. Я лично считаю, что нет более важной задачи для страны, чем создание высокотехнологичного сектора экономики, базирующегося на научных исследованиях, на научных разработках.

Между прочим, блестяще высказался на эту тему Президент Российской Федерации Владимир Владимирович **Путин**. Он сказал, что наша главная задача – иметь в 2020-м году 25 миллионов рабочих мест в высокотехнологичном секторе. Это задача не только для бизнеса. Это задача для страны, для науки, для исследований. Чтобы решить эту задачу, нужно вернуть и приоритет, и развитие научных исследований, и роль Академии наук тоже.

12:37

Несмотря на все огромные потери, которые мы понесли, я бы сравнивал сейчас принципиально ситуацию не с послевоенной, когда приоритет науке был отдан гигантский, когда руководство страны, понимая, что нужно делать бомбу.

Потому что монополия США в этой области опасна для всей планеты.

Великое счастье для всего человечества, что эта проблема была решена Курчатовым и его сотрудниками, что у нас не было «горячей», так сказать – была война «холодная». Потому что всякие были планы. Это великое счастье и много технологий родилось из этого.

Но, между прочим, сразу же после войны был придан огромный приоритет. Самая высокая зарплата профессора была в 1946-м году 8000 рублей зарплата профессора, а 6400 – доцента. Защитив кандидатскую, вы становились на следующий день старшим научным сотрудником: получали 3000 рублей. Такой оклад имел директор крупного завода и молодой человек, ставший кандидатом наук. Было понятно, что без научно-технического прогресса не будет страны.

Я бы все-таки нынешнюю ситуацию сравнил с ситуацией после Гражданской войны, когда и уехало, и потеряли, и появился план ГОЭЛРО, и появился целый ряд других.

Между прочим, Физико-технический институт имени Иоффе создан в 1918-м году. Государственный оптический институт – в 1918-м году. Физико-механический факультет в Политехническом институте, который раньше, чем **(неразборчиво, 01:38)** МИТ ввел систему, на самом деле, инженерно-

физического образования, **Абрам Федорович Иоффе** создал в 1919-м году, и далее можно говорить примеры.

Сегодня это просо наша главная задача, мы ее должны решать все вместе (с экономистами тоже) в Российской Академии Наук в первую очередь.

Спасибо за внимание.

(Аплодисменты).

02:09

Валерий Геец, модератор(?): Спасибо, Жорес Иванович. Мы услышали прекрасный пример того, как могут решаться те задачи, над которыми мы бьемся. Не говоря о тех сферах, о которых говорил докладчик, ибо он упомянул о величайшем благе социальных лифтов, которые поднимали людей на высокие уровни. Они стремились к получению все больших знаний, а накопление знаний – это один из инструментов решения проблем той части населения, которая находится в низкооплачиваемых, а для этого нужно очень и очень много.

К сожалению, время неумолимо, мы должны строго следовать регламенту, поэтому спасибо большое. *(Аплодисменты).* Мы имеем все основания предоставить слово **Юрию Осипову**.

Юрий Михайлович Осипов, директор Центра общественных наук МГУ:

– Я с большим интересом слушал всех выступающих. Все говорили правду. Конечно, правда в нашей стране еще страшнее, чем было сказано – если уж идти по этому пути. Страна в результате переворота 1990-х годов совершила inferнальный кульбит и опустилась в то, что можно называть земным адом.

Здесь проблема очень, конечно, серьезная. Проблема в том, в каком, действительно, положении находится страна, люди этой страны, элиты, правители страны. Научные термины здесь не работают. Думаю, что даже традиционные философские тоже не работают.

Мы действительно жажнулись в какой-то невероятнейший совершенно кризис. Я его называю «апокалиптическим». Вот такой термин вынужден применять, поскольку остальные термины не подходят.

Мы имеем антимир, антиобщество, антигосударство. Что еще? Как еще это все назвать? Вообще где этот язык, который может это все обрисовать, интеллигентский?

Здесь речь шла об этих самых разрывах доходов, предпочтениях, которые сейчас есть у разных классов. Как это все можно понять? Вообще как это по-человечески можно представить себе, что это вообще может быть? Однако, это все есть. Вот такая у нас замечательная страна, и в таком находится интересном положении.

Слушая все это, конечно, думаешь: есть ли у России какой-либо шанс все-таки выбраться из этой ямы и стать действительно действенным субъектом истории. Который не забывает о себе, своем народе и тем самым автоматически не забывает и о мире, который тоже находится, вообще говоря, не в лучшем состоянии. Мир-то у нас, вообще-то говоря, уже на грани Армагеддона. Поэтому ситуация очень-очень серьезная, на мой взгляд.

Но меня занимает эта проблема шанса. Что меня вдохновляет на будущее – то, что мы все-таки низшую фазу этого апокалиптического кризиса, по видимому, прошли. Мы сейчас имеем возможность действительно понять, кто мы такие, где мы находимся и как нам дальше жить.

Этот кипрский удар по нашим толстосумам – великолепный удар. Я думаю, что он и является таким, знаете ли, спонтанным со стороны ЕС. Наверное, они начнут сейчас понимать, что и в Англии-то не все хорошо вообще-то для них. Значит, по-видимому, нужен тыл, нужна страна, которая все-таки обеспечивает твоё воспроизводство. Пусть не такого ужасного миллиардера – но все-таки, скажем так, владелец каких-то больших капиталов.

На мире эти капиталы не удержатся.

Конечно, это все нужно осознать и нужно понять, что необходим тыл, такой родной тыл.

То, что мы прошли все-таки... То есть мы упали по-настоящему и начинаем подниматься, что-то осознавая. В общем-то, я сужу сейчас по самой молодой молодежи, которая уже выросла за эти безвременные годы.

Она задумывается на тему, куда она попала в итоге, вступая в жизнь сознательную, в какой стране она находится, в какой жизни. Она хочет перемен. Не потому, что ей мало платят или еще какие-то есть проблемы (жилищные и так далее, и так далее) – это все тоже есть. Она хочет нормальной трудотворческой жизни.

Сейчас страна стоит перед этой задачей. Необходимо вновь вывернуться (уже в другую сторону) и обеспечить это самое нормальное бытие.

Это грандиозная задача. Она гораздо более сложная, чем то, что было во времена Перестройки и ельцинских реформ.

Я сейчас, допустим, смотрю на Европу, на Китай, на США.

США в кризисе – из кризиса США не вышли. Эти экономические показатели вообще ничего не значат. 1% прироста, 3%. Или инфляция. Или данные о **сложном(?)** проценте – это все ни о чем не говорит. США в кризисе, в глубоком кризисе. Они просто, может, еще до конца этого не понимают.

Китай. Здесь тоже, по-моему, мой коллега **Кувалдин** сказал, что там проблемы. Да. Китай не прошел еще свой кризис, он в него втягивается. А Россия прошла. Не совсем еще прошла, конечно, но все-таки самое страшное, на мой взгляд, все-таки прошла. Сейчас у России другого-то выхода нет, кроме как подниматься.

Конечно, самая актуальная проблема, скажем, если я экономист и рассуждаю об экономике, это проблема развития трудотворческого процесса, так сказать, применения интеллекта. Молодежь хочет интеллектуального применения в своей родной стране.

На уровне фактическом я мало что могу дать в оправдание того, что мы проходим это страшный кризис и начинаем подъем. Какой подъем? Уже человеческий национальный подъем. У меня больше ощущений, каких-то таких, знаете, внутренних мотивов для того, чтобы что-то подобное утверждать.

Поэтому это никакое не утверждение, безусловно, хотя это уже не просто желание. Мне кажется, что-то в стране все же сейчас происходит.

Начался процесс какой-то уже внутренней трансформации нашего человека, нашего общества. По крайней мере, мы сейчас стали разделять, что хорошо, что плохо. Мы стали что-то осуждать, что-то приветствовать. Появляются какие-то, в общем-то, более-менее конструктивные разговоры, какие-то картинки, которые рисуют нам власть предрежащие сейчас, чего не было, прямо скажем, еще семь лет назад, этого еще не было вообще.

Вообще не было разговора про развитие России, о каком-то подъеме и так далее, и так далее. А тем более таких рассуждений о том, что должны, скажем, развить интеллектуальный сектор через какое-то время.

Но сейчас это уже есть. По моим ощущениям все-таки этот переход происходит. Может, не очень явный, но он идет.

Еще я сейчас, когда попадаю в такие ситуации, когда надо отвечать за излишний оптимизм, то я говорю, что сегодня, в 2013-м году, мы не имеем права быть с вами пессимистами. Или все-таки оптимизм, или – понятно что.

Руслан Гринберг: Юрий Михайлович, у вас одна минута.

Юрий Осипов: А что вы боитесь-то. Я ничего особенного не сказал еще. Я только начинаю говорить самое главное.

Руслан Гринберг: Нет-нет, здесь просто time-limit, одна минута.

Юрий Осипов: Одна минута, мне как раз достаточно. Недавно мы провели у себя симпозиум по книге Макиавелли «Государь». Вышла эта книга 500 лет назад. Не вышла – она была написана, в 1513-м году. 500 лет. Для чего мы обратились к ней. Мы обращаемся к власти предрержащим... Вообще говоря, поучиться у Макиавелли. Но поучиться не ради присвоения национального богатства, а для того, чтобы поработать на общее благо, не пренебрегая никакими чрезвычайными средствами.

Вот, собственно, и ситуация. Либо наши правящие круги это как-то осознают и проявят соответствующую волю. Либо... Но дело в чем. Вот это второе «либо» я все-таки не могу представить себе для нашей страны. Я все-таки стою на том, что она начинает подниматься, и поднимется. Возможности для политической, стратегической игры у нее сейчас огромные.

Здесь мне не совсем было приятно слышать, опять же, профессора **Кувалдина** насчет того, что нам предстоит вот эта функция донора или какого-то плательщика за все. Да, конечно, это тоже возможно все. Но ситуация сейчас такая, что весь мир подковообразно вокруг России в кризисе. А Россия начинает выходить. А Россия – это мир. Это не просто страна какая-то. Она уже прошла, она прорепетировала это все.

Шанс, мне кажется, сейчас вот такого уже антикризисного пути, антикризисной игры геостратегической в России есть.

(Аплодисменты).

Руслан Гринберг: Спасибо, Юрий Михайлович. Я прошу прощения, что я иногда... Зачем нужны правила, если их не нарушать иногда. Я это правило... Нобелевский лауреат – конечно, он мог говорить больше. Что касается всех остальных, «нормальных» людей – то не больше десяти минут. Даже очень важного замечательного французского коллегу Жан-Луи Бьянко – дважды министр и руководитель администрации президента Франции (Франсуа Миттеран). *(Речь на английском языке, 03:58).*

04:04

Жан-Луи Бьянко, депутат Национальной ассамблеи Франции:

– Спасибо большое. *(Выступление на английском языке, 04:05 – 08:02).*

(Аплодисменты).

Руслан Гринберг: Спасибо. Думаю, что это удивительно. Мне бы хотелось как-то вас послушать еще дальше. Это рекорд, наверное, по краткости и по мудрости. Думаю, может быть, у нас еще останется время. У нас еще три докладчика есть. Профессор Хулио Хуато из США, профессор Славин и заместитель министра экономики Российской Федерации (мы обязательно вас слушаем). *(Английская речь, 09:03).*

Хулио Хуато, профессор (Соединенные Штаты Америки):

– *(Выступление на английском языке, 09:06 – 10:53).*

Хулио Хуато (продолжает): *(Речь на английском, 00:00 – 00:48).*

Руслан Гринберг: Теперь я предоставляю слово **Борису Славину**, профессору Московского педагогического государственного университета. Здесь очень важно, что Борис Славин работает в Горбачев-Фонде. Я там тоже часто сотрудничаю, что-то делаю. Это для меня большая честь. Прошу.

Борис Федорович Славин, профессор Московского педагогического государственного университета:

– Выступление французского коллеги напомнило мне о том, что проблема соотношения свободы и социальной справедливости была заложена именно там – в этой стране. Я имею в виду **Пьера Леру**, ученика **Сан-Симона**, который в 1934-м году опубликовал малоизвестную статью о социализме и индивидуализме, где высказал любопытную вещь.

Он сказал: «Не нужно крайностей. Если мы будем напирать на абсолютный социализма, мы получим **пабст**. Если мы будем напирать только на индивидуализм, мы получим дискредитацию общественного блага».

Проблема соотношения общественного блага, общего интереса и частного интереса, волновала на протяжении многих веков многих выдающихся деятелей. Если вы помните, Ленин в своих последних работах также бился над этой проблемой: как соединить общественный интерес с частным интересом. Он высказал тогда идею, что кооперация решает эту проблему.

02:30

Сталин пошел другим путем. Ничего из этого не получилось. Не получилось даже в годы Перестройки с кооперацией, чтобы там были органически соединены две эти вещи. Но эта проблема остается до сих пор.

С чем это связано.

У нас формулировка такая: свобода и социальная справедливость. Но определений свободы уйма. К сожалению, либеральная мысль рассматривает свободу только как свободу выбора. Причем имеет отношение к одному единственному человеку: речь идет об индивидууме и его свободе. Он осуществляет рациональный выбор, находясь как товаровладелец или товаропродавец на рынке. Вот как понимается эта свобода.

03:14

Но в обществе помимо этих интересов (чисто индивидуальных интересов) существуют общественные интересы. Хотя один из ярких представителей неолиберализма и консерватизма **Тэтчер** говорила, что общества вообще нет. Существуют только отдельные индивиды. Вы знаете, какую политику она проводила – та привела к забастовкам и жертвам среди шахтеров. Практика показывает, что та приватизация, которую провела Тэтчер, не дала эффективности экономической, хотя она стимулировалась со стороны государства.

Когда мы говорим о свободе, всегда нужно иметь в виду, что помимо свободы личности существует масса других вещей, которые не могут измеряться рынком. Например, доброта, любовь. Хотя **Маркс** писал в своих ранних работах: «Если у тебя есть много денег, ты можешь купить и любовь». Но это была, конечно, не любовь. Это была имитация любви. Очень часто сегодня молодые люди говорят: «Дайте мне бабки, и я решу все проблемы». Как могут решаться эти проблемы, мы знаем сегодня. Коррупция это показывает. Показывает и то, что люди за деньги получают диссертации, украшают себя интеллектуальными ресурсами, украшают себя ювелирными изделиями. Могут иметь 12 квартир и считать, что это мало. Могут покупать яхты за рубежом, в то время как масса людей находится ниже черты бедности.

05:00

Все это говорит о том, что помимо интереса индивида, помимо рыночного интереса существует еще много важных вещей. Об этом говорят гуманитарные практики, об этом говорит религия сегодня. В последнее десятилетие и православная церковь, и католическая церковь создали целые социальные программы, чтобы показать, что капитализм это не высшее достижение человеческого общества. Что есть более высокие ценности.

05:31

Надо вам сказать, что основатель Давоского форума, выступая на прошлом форуме в 2012-м году (в прошлом году) прямо сказал, что современный капитализм – те крайности, о которых говорил Леру, когда говорил о **пабсте**, сегодня резко проявились. Не только спекулятивные формы. Эти крайности сегодня привели к дискредитации общественного блага.

История показала, что были периоды, когда человечество отдавало дань общему интересу. Были периоды, когда человечество отдавало дань частному интересу. Если после войны многие страны сошлись на консенсусе, который проповедовал **Кейнс**, то, начиная с 1970-х годов, произошла обратная волна. Волна господства либеральных идей, господства индивидуального начала.

Только кризис 2008-го года, первый глобальный кризис, показал, что это другая крайность. Моя мысль проста. Она совпадает со многими, кто здесь говорил. Оптимальное общество может быть только тогда, когда два этих начала – начало индивидуальной свободы и начало общественного блага или социальной справедливости должны коррелировать друг с другом.

Только на этом синтезе, на этой (**неразборчиво, 06:53**), если вы хотите, которая у нас впервые была сделана в годы НЭПа, а затем об этом же говорил **Сахаров**, об этом же говорили сегодня ведущие экономисты даже за этим столом, она должна решить многие проблемы.

07:09

Сегодня те, кто пошел по пути сочетания индивидуального интереса и общественного блага, добиваются прекрасных успехов не только в экономике, но и в социальной сфере. Самое главное – в индивидуальной сфере. Об этом говорит сегодня практика Китая, хотя она носит, как **Кувалдин** говорил, противоречивый характер.

Я был несколько раз в Китае – да, там есть проблемы. Но это проблемы, которые тоже можно решить.

Это, прежде всего, проблемы экологии. Вы знаете, что во время китайской Олимпиады были выключены целые заводы в Пекине, чтобы не было смога. Он был характерен, положим, для печного отопления в Англии. Там дышать нечем было!

Проблема загрязнения воды. Я видел, как сотни китайцев тащат с собой баулы с чистой водой, которую берут из родника в горах. Ту воду, которая есть в водопроводе, невозможно пить. Самая главная проблема – проблема социального расслоения, которая сегодня начинается в Китае. Она наносит колоссальный удар по социальной справедливости. **Дэн Сяопин**, который стоял у истоков китайской реформы, говорил: «Главное, что мы не должны допустить – это социального расслоения». Но эта проблема сегодня есть.

08:28

Тем не менее, в отличие от нас, я прямо скажу, они думают об этой проблеме и пытаются ее решить. Я думаю, что и мы в конечном счете должны обрести эту мудрость. Вслед за Бразилией, вслед за Китаем, вслед, я думаю, за Европой, которая придет к этому благодаря сегодняшнему кризису долгов, которые есть в Европе. Они придут к этой дороге. На этой дороге получают тот прогресс, который хотели.

(Аплодисменты).

09:02

Руслан Гринберг: Я должен сказать, что лучшего заключения для нашей конференции не придумаешь. Я почти на 100% согласен. Сам занимаюсь этой темой – соотношение индивидуальных и общественных интересов. Мне здесь нечего добавить. Можно было бы уже разойтись. У нас банкет.

Но у нас есть еще один выступающий. Это в недавнем прошлом заместитель Министра экономики Российской Федерации **Владимир Евсюков**. Мы вам дадим слово. Не будем вас дискриминировать. Я думаю, там не остынет наше питание.

Владимир Сергеевич Евсюков, заместитель Министра экономики Российской Федерации (1992 – 2000 гг.):

– Спасибо, Руслан Семенович. Я постараюсь быть кратким, учитывая, что уже много времени люди просидели здесь и устали.

Уважаемые господа, есть у вас на памяти правительство, которое бы не говорило о социально-ориентированной экономике? У меня нет. Все правительства об этом говорят.

Руслан Гринберг: Простите, я вас перебиваю, а то я забуду. Мне очень нравится – в одной газете прочитал: «Если вам какой-нибудь министр говорит, что у нас социальное государство, это вас еще не окончательно обобрали».

(Смех в зале, единичные аплодисменты).

Владимир Евсюков: Во всяком случае, это действительно так. Найти такое правительство невозможно, но все говорят об этом. В том числе говорили и в Советском Союзе. Но это не означает, что все надежды населения на улучшение уровня жизни и все обещания не подтверждаются.

Я бы хотел в рамках темы конференции, которая сегодня есть, все-таки вернуться к этому вопросу более подробно. Опыт 20 прошедших лет свидетельствует о том, что свободы недостаточно для решения социальных проблем населения.

В числе нерешенных социальных проблем я бы назвал следующие.

Отсутствие социальных лифтов для молодежи. Неудовлетворенность.

Растерянность. Порой даже рост протестных настроений. Это очень нехороший признак на будущее – признак противостояния.

Второе (об этом говорили). Расслоение. Больше не буду говорить. Оно действительно гигантское.

Третий вопрос. Снижение качества образования, здравоохранения, массового оздоровительного спорта и воспитания молодежи. Это очевидно.

Следующий вопрос. Жизнь престарелых и инвалидов. Увы, она, конечно, нуждается в улучшении.

Следующий вопрос. Сироты. Их десятки тысяч. Последняя цифра – 640 тысяч человек – была озвучена по телевидению. Ужасная цифра! Решить эту проблему за счет благотворительности, за счет меценатства какого-то, пожертвований абсолютно невозможно. Если Правительство не будет заниматься этим, если наш Парламент не будет этим заниматься, это означает, что еще больше будут конфликты по этой теме. В том числе и на международном уровне с другими странами.

Уровень безработных остается достаточно высоким.

Последний вопрос, который здесь затрагивался. Средний класс, который может и должен быть гарантом стабильности общества. А он у нас малочисленный. Пока что ситуация...

Руслан Гринберг: Сколько процентов?

Владимир Евсюков: 15%, по моей оценке, а нужно было бы 45% – 50%. И этого еще мало! Еще нужно учитывать...

Следующий момент. Проведите такой эксперимент, просите в своей семье, у своих детей, внуков спросите, считают ли они себя средним классом.

Разумеется, зависит от вашего имущественного состояния. Но я знаю примеры, когда с низким уровнем семейного дохода считают, что они средний класс. Потому что у нас менталитет, ментальность осталась советская. Никто не хочет быть бедным, никто не хочет быть нищим. Поэтому представление о том, что там у нас 30% увеличение опросы показывают – это ошибочный показатель.

Как решается эта проблема. Конечно, Правительство хочет ослабить напряжение, и у бюджета находятся какие-то деньги. Но ни один из этих вопросов, которые назвал, не решается. Ни один. Не достаточно.

Можно понять: откуда взять, если принимается решение о том, что профицит бюджета должен быть стерилизован путем размещения в специальных фондах. Об этом много было разговоров, и я не буду об этом говорить.

Но суть-то вопроса даже не в этом. Мне кажется, если это случайный источник... А в данном случае это источник случайный, потому что определяется конъюнктурой мирового рынка на энергоносители, на энергоемкую продукцию.

Произойдут изменения, допустим, от того, что сланцевые технологии пошли. Резко будут снижаться цены на энергоносители. Что будет с нашим профицитом? Откуда тогда деньги можно взять для решения социальных проблем? Это не выход.

Я полагаю, что для решения проблемы (всех **институциональных** проблем) и создания спокойной дружеской обстановки в стране среди разных групп населения, конечно, потребуются большие и даже очень большие деньги. Жить так с помощью бюджета, даже при условии профицита, невозможно.

На мой взгляд, главное – это, конечно, структурная перестройка экономики.

А что такое структурная перестройка. Об этом ведь говорили уже наши руководители. Нужно диверсифицировать экономику, нужно развивать перерабатывающие отрасли, транспорт, строительство и прочее – вы знаете.

Для этого потребуются большие деньги и, главное, довольно длительный период времени. По моей оценке, это 15 – 20 лет минимум. Это если начинать сегодня, а если опоздать, это будет и все 50 лет, а может быть, даже и никогда.

Кто же должен это разрабатывать. Я смотрел последние документы, прогнозы развития экономики на 20 лет, на 15 лет – неубедительно. Не убедительно, мне кажется, потому что все это делается, эти документы

разрабатываются исходя из заранее установленной уже парадигмы, что это должна быть либеральная экономика, развиваться только так.

Я считаю, что такую стратегию может разработать группа специалистов, которые есть в России, пока не потеряны. Эта организация в 2015-м году будет отмечать столетие. В 1915-м году была создана, академик Вернадский возглавил эту структуру. Эта структура тогда называлась КЕПС, потом она преобразовалась в СОПС. Она обладает громадным научным потенциалом, и вопроса нет – они способны разработать.

Но, конечно, они должны разрабатывать исходя из изучения баланса всех ресурсов. В том числе и ресурсов демографических, и ресурсов территориальных, и ресурсов материально-технических, и сырьевых.

Я, коллеги, хочу сказать еще следующее. Что меня поразило, Руслан Семенович. Владимир Владимирович Путин объявил «нужно удвоить валовой внутренний продукт за 10 лет». Кто подверг остракизму – не знаю, может быть, непониманию. Минфин и Минэкономики официально заявили, что они не согласны, считают это ненужным.

Руслан Гринберг: Как это может быть?

Владимир Евсюков: Вот так вот. Это было. Я был свидетелем всего этого процесса, и потом постепенно спускали на тормозах.

Руслан Гринберг: Что, он – не самостоятельный наш президент?

Владимир Евсюков: Вот это очень удивительно...

Руслан Гринберг: Сейчас самое интересное начинается!

Владимир Евсюков: Это удивительно, да. Недавно Медведев, как вы знаете, поставил задачу – создать 25 миллионов рабочих мест.

Руслан Гринберг: Нет, это Путин.

Владимир Евсюков: Путин. Извините, Путин. Медведев развивал эту тему. Только опять вопрос возникает о том, а надо ли нам. Конечно, если ориентироваться, что Россия должна пойти по пути сырьевой экономики, тогда действительно.

Существовали, проскальзывали такие заявления, что населения России достаточно 40 миллионов человек, что в перспективе так и должно быть. Но я думаю, что в зале не найдется ни одного человека, который согласится с такой постановкой. Напротив, нужно использовать потенциал демографический для решения проблем.

Я полагаю, что если мы будем ориентированы на то, что Россия должна восстановиться, и будем прилагать к этому усилия... Есть группы ученых, эффективных ученых, которые подготовили документ (не знаю, может быть, у вас он известен). Это модернизация. Это группа 6 человек, которые сделали блестящий документ. Можно соглашаться, можно не соглашаться, но за основу можно взять. Я считаю, что он может быть самой настоящей дорожной картой для решения этой проблемы.

Руслан Гринберг: Вы участник там – в шестерку входите?

Владимир Евсюков: Я там не участник, а **Константин Бабкин** участник, но там много других есть людей достойных весьма, в том числе и видных ученых, которые разрабатывают этот серьезный, солидный документ. Я думаю, что он может быть использован эффективно.

Спасибо.

Руслан Гринберг: Спасибо большое. (*Аплодисменты*). Дорогие друзья, я думаю, что мы поаплодируем.

Я здесь не буду подводить итогов никаких, все понятно примерно. Но самое интересное только начинается. Давайте так. У нас завтра, я жду, продолжение примерно на эту же тему «Человек для экономики и экономика для человека». Мы еще поговорим на эту тему.

Сейчас мне хотелось бы закончить, пожелать всем хорошего настроения, аппетита.

Солтан Дзарасов: Руслан Семенович, я должен ответить на вопрос.

Руслан Гринберг: А! Да. Профессор Дзарасов ответит на вопрос.

Солтан Дзарасов: Поступил вопрос. Если я на него не отвечу, то скажут «нечего сказать». «Вы пропагандируете генетическую от природы неспособность русских к бизнесу».

Нет. Я привел высказывание **Кейнса** на этот счет и считаю, что ни рыночная, ни империалистическая – коллективистическая тенденция (или принцип) более приемлема для русских. Мы показали миру то, на что никто другой не был способен. Это практика планового ведения хозяйства, благодаря которой Россия стала второй сверхдержавой мира.

Выдвинув (**неразборчиво, 08:52**) организатор производства от Серго Орджоникидзе до Алексея Косыгина (их всех не перечислить). Они составляют гордость страны. А практика планового хозяйства потом была воспринята почти всеми странами мира. Вот это я хотел сказать. Спасибо.

(Аплодисменты).

Руслан Гринберг: Всем спасибо и до завтра, вернее, еще до сегодня.